

*Посвящается моей дорогой и любимой
бабушке Лысовой Зое Александровне*

Опять проспал...

И снова я проспал в школу. Озорное утро хоть и усердно пробивалось сквозь зеленые занавески, и будильник давно прозвенел, а выползать из теплой постели все равно не хотелось. Опять придется матери солгать, что вчера звонила Любка-староста и что учитель русского языка Геннадий Васильевич заболел. В который раз мама будет недоверчиво коситься, намазывая для меня на хлеб толстый слой масла, и задумчиво качать головой. Уж я-то ее знаю! Сейчас она работает во вторую смену, и поэтому весь этот месяц нам придется завтракать по утрам вместе. Все не так уж и плохо, если подумать: с одной стороны, яичница приготовлена, чай заварен, бутерброды на тарелке, если бы не одно но...

Моя мама очень любопытная, и обязательно за столом ей нужно о чем-нибудь меня расспросить. Взять, к примеру, ту же самую успеваемость. Разве ей не хватает моих оценок в дневнике? Там ниже тройки циферку не увидишь, да и тройка – редкая гостья. Просто, когда получаешь плохую оценку, нужно, не моргнув глазом, соврать, что забыл дневник дома. Интересно, мама догадывается о моих проделках? Наверное, догадывается. Иначе тогда зачем ей каждое утро спрашивать, как дела в школе? Вот папа, к примеру, никогда не интересуется успеваемостью, тем более за столом. Может, просто от того, что он эти скучные обязанности переложил на мамины плечи или просто ему действительно это не интересно?

Я знаю, о чем папа любит поговорить. О футболе. О любимой команде «Спартак». Но так как мы с мамой никогда не были большими поклонниками этой игры, то отцу приходится молча уплетать котлету. Но если в гости приходит сосед

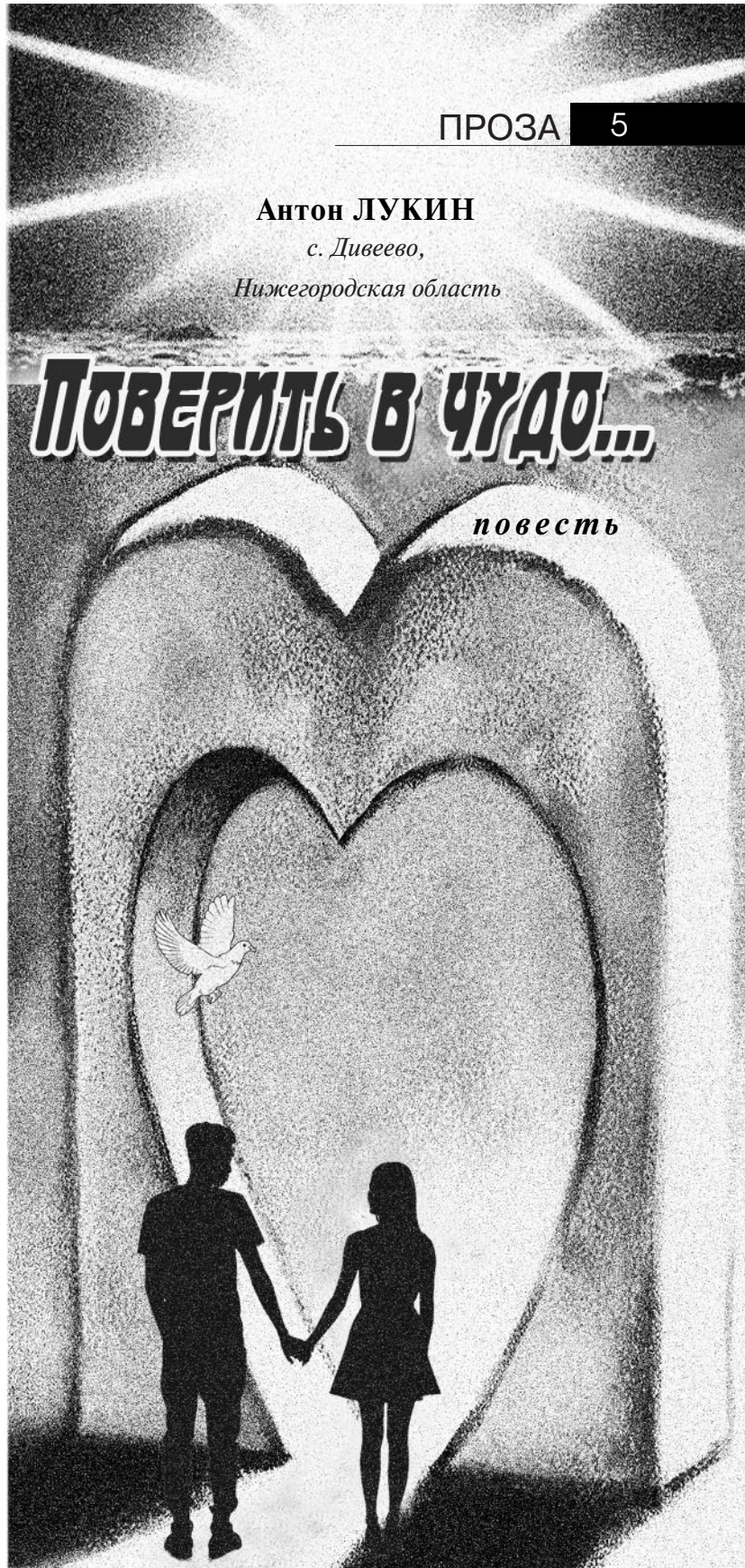
Антон ЛУКИН

с. Дивеево,

Нижегородская область

ПОВЕРИТЬ В ЧУДО...

повесть

снизу дядя Миша, то за ужином обсуждается только футбол. И даже идут споры, потому как у дяди Миши любимая команда — «Зенит». А еще он носит усы, как у Мюнхгаузена. Смешные. И сам дядя Миша кажется очень смешным и веселым. Оттого-то, наверное, мне очень хочется поскорее отпустить усы. Не такие, конечно, как у дяди Миши, а красивые.

Только вот усы у меня ещё не растут. Пока только виднеется коротенький светленький пушок. Но это понятно. Было бы странно, если бы мальчик в двенадцать лет носил усы. Хотя папа их тоже не носит. Но мама говорит, что это клучшему. Тут я, пожалуй, с ней соглашусь. Я никак не могу представить отца усатым.

В комнату вошла мама.

— Ты все еще не встал? — нахмутив брови, она раздвинула занавески и тяжело вздохнула. — Сколько можно лежать, в конце концов? Иван!

Говорит, словно перед ней не сын, а коллега по работе. Для отца я всегда Ванька.

— Уже встаю, — я потёр глаза и высунул ногу из-под одеяла.

— Я и вижу. Время уже половина восьмого. Ты разве успеешь?

— Нам ко второму уроку.

— Кто на этот раз?

— Леухин заболел.

— У тебя постоянно кто-нибудь болеет. То Геннадий Васильевич, то Сергей Иванович, то истории не было — Марина Сергеевна не вышла, — мама еще раз подошла к окну, поправила занавеску и отправилась на кухню. — Смотри у меня, дождешься. Про все прогулы узнаю.

Чего-чего, а погулять мама любит. Сколько раз она уже грозилась заехать в школу, но так и не нашла свободной минутки, потому что, помимо школы, у мамы забот хватает. Вот сейчас проводит меня гранит науки грызть и займется уборкой, а еще ей нужно приготовить обед и ужин. Ведь она сегодня во вторую смену, и, чтобы папа не остался без борща и любимых домашних котлет, маме не стоит ловить мух. Вообще-то, мама у меня настоящая стряпуха и умница — мы не раз убеждались с папой. Что бы мы делали без нашей мамы! Однажды, когда она заболела и легла в больницу, мы все десять дней питались пельменями. До того они нам надоели, что мы на них уже не могли смотреть. И, когда маму выписали,

для нас это был настоящий праздник. Нам даже показалось, что таких вкусных щей, фрикаделек и пирогов мы и раньше у неё не пробовали.

Но на этот раз за столом, как ни странно, мама не завела обычную для нее тему. И я немного насторожился. Неужто она взаправду решила позвонить классному руководителю? Ведь если это так, то, я думаю, ничего хорошего она от него не услышит.

— На майские праздники поедem в Черемушки, — после долгого молчания сказала мама. — Нужно будет у бабушки картофель посадить.

— С ночёвкой?

— Думаю, что да, — ответила мама. — Ну, вы с отцом останетесь точно, у него все праздники выходные. А я пока не обещаю. Главное, чтобы погода не подвела.

— Не подведёт! — обрадовался я. — Не подведёт!

Поездка в деревню к бабушке меня всегда радовала. Вот где действительно можно отдохнуть на славу, набегаться и наиграться вдоволь. Даже если для этого придется несколько часов поработать лопатой. Это того стоит.

Зимой я постоянно думаю о деревне и скучаю по лету. Потому что летом — каникулы, а в каникулы я всегда уезжаю гостить к бабушке с дедушкой. Там моя любимая корова Бурёнка со смешным колокольчиком на шее, сушила, на которых я люблю валяться, уткнувшись лицом в колючее сено, и Орешников пруд, где можно и рыбу половить, и вдоволь накупаться. Разве кто сможет похвастаться лучшими каникулами? Конечно же, нет. А как играет дед Василий на баяне — это же надо слышать! А бабушкину кашу и тушеную капусту нужно только самому испробовать, чтобы понять, какие они вкусные. Только баба Аня готовит лучшую тушеную капусту в мире!

А еще там живут Тузик и Колька. Тузик — это наш кобель, вернее, бабушкин с дедом. Маленький, лохматый, постоянно в репьях. А Колька — это мой закадычный друг. Знаете какой он? О! Если вы не знаете Кольку, то я вам о нем расскажу.

Колька рыжий, как таракан, и такой же шустрый. Это он на первый взгляд кажется простым и доверчивым. Но это не так. Палец в рот ему не клади — руку откусит по локоть. С Колькой нужно держать ухо востро. Хитрый, как лиса. Всегда любит спорить и постоянно выигрывает. Я еще

ни разу ни от кого не слышал, чтобы Колька проиграл. Если уж поспорил, то он тебе и на крышу дома залезет, и с дерева прыгнет, и в колодец спустится. А однажды, когда нам было с ним по девять лет, он на спор съел майского жука. Я бы так не смог. Наверное, поэтому я и не рыжий. Когда Колька выигрывает, то всегда громко смеется и веснушки на его лице в эту минуту тоже весело пляшут. А еще он умеет шевелить ушами. Этим тоже не каждый мальчишка может похвастаться. У Генки Щукина из моего класса немного, правда, получается шевелить своими «лопухами», но так, как у Кольки, у него все равно не выходит. Далеко ему до Кольки.

Еще в Черемушках живет мой дядька по отцу — дядя Женя. Какой же он все-таки веселый и забавный. И даже смешной! Сам брונет, а усы рыжие. Представляете? Честно-честно. Он фотограф. Фотографирует все, что увидит: избы, животных и даже соседей. Когда я бываю в деревне, то частенько забегая к нему в гости полистать фотоальбом. А еще он хорошо чинит радио, и, если у кого что сломается из электроприборов, все тут же бегут к дяде Жене. Он всегда помогает. А как он любит кошек! Вы бы только знали и видели его кота Базилио, которого он обожает. До того откормил этого поросенка мойвой и колбасой, что даже я его с трудом поднимаю. Видели бы вы только моську этого Базилио, вы бы точно удивились!

В прихожей мама протянула мне пакет с пирогами.

— Вот, возьми с собой. Убери в портфель.

— Мама, я же не маленький, — даже чуть обиделся я. — И тем более у нас в школе работает буфет. Я бы и сам мог себе купить что-нибудь покушать.

— Зачем покупать, когда вот они — готовые пирожки. Домашние все ж вкуснее, чем ваши буфетные, где одно тесто.

С нашей мамой не поспоришь. Ее все равно трудно переубедить, и поэтому на карманные расходы я получаю только от папы. Уж кто-кто, а папа меня понимает. Разве может ученик шестого класса носить с собой еду в школу? Ведь я не первоклашка! Чего путного, засмеют еще в классе. И будут правы.

Как только я вышел из подъезда, то сразу избавился от пирогов. Хорошо еще, что в нашем

дворе живет бродячий пес Пират. Это я его так прозвал. Почему Пират? Да потому что он с подбитым глазом и хромой. Вот ему-то по утрам я и скармливаю свой школьный перекус. Да и пес ко мне уже привык и каждое утро ютится у двери в ожидании пирожков. И по воскресеньям тоже. И разве объяснишь ему, что по воскресеньям у меня выходной и в школу мне не нужно, а брать с собой еду на улицу просто так мне ни к чему. Вот и снова я отдал ему еще теплые пироги и поспешил в школу.

Веселые проделки

В школу я явился ко второму уроку, и мое опоздание мне даже пошло на руку, потому как по русскому языку писали диктант. Теперь бы не попасться Леухину на глаза. Но это проще пареной репы, ведь Геннадий Васильевич в перемены любит поиграть в учительской с физруком в шахматы. Об этом каждый ученик знает. И поэтому редкий раз его можно встретить в коридоре. Но не попасться Геннадию Васильевичу — это полбеды. Главное — взять под контроль вредную Любку Кузяеву. Она наша староста и оттого-то, наверное, самая вредящая девчонка в классе. Пожалуй, учителя знают, кого брать себе в помощники. В этом мы с ребятами ничуть не сомневались. Отчего бы не поставить старостой Светку Квитко? Учится она намного лучше этой самой Любки, и все в классе к ней хорошо относятся. Светка и на контрольных поможет, и на перемене «домашку» всегда даст списать. Но учителям такой помощник, видимо, не нужен. Зачем такая хорошая девочка будет старостой? Им нужна такая вредная ябеда-корябеда, как Любка.

— И где это мы были на первом уроке, извольте вас спросить? — прищурив свои мышинные глазки, спросила меня Кузяева.

— Не твое дело, — я нахмурил брови, давая понять, что просто так ей не дамся.

— Между прочим, Ванечка, у нас был диктант.

— Бу-бу-бу! А то я не знаю.

— Думаешь, прогулял, так и диктант писать не надо? — Любка пытливым взглядом уставилась на меня. — Хитренький.

— Что же теперь — и проспать нельзя?

— Это ты не мне, а Геннадию Васильевичу объяснять будешь.

— Только попробуй ему скажи, — я пригрозил Любке кулаком. — Во, видела? Быстро косы в морской узел завяжу.

Не хватало мне еще, чтобы меня какая-нибудь девчонка учить взялась. Любка от злости покраснела. Надулась, как помидор, пытаюсь в ответ мне что-то ответить в том же духе. Но, убедившись, что я не шучу, сказала:

— Останешься после уроков убираться в классе. И попробуй только не уберись. Тогда точно все узнают о твоих прогулах.

— Есть, — по-военному, как солдат по стойке смирно, ответил я.

— К пустой голове руку не прикладывают, — сказала Кузьева. — Хотя на твою и шапку надень, все равно пустой будет.

И Любка, показав мне язык, направилась к своей парте. То-то же. А то «всё расскажу» да «всё расскажу». Нашла кого пугать. Я тебе не первоклашка.

Но после уроков все же убраться в классе пришлось. Тут уж ничего не поделаешь, если староста назначила дежурным вне графика. Лучше так. Генка Щукин застал меня, когда я заканчивал с уборкой: доска чистая, цветы политы, пол вымыт, от мусора избавились.

— Кузьева заставила? — проронил с порога тот.

— Ну не сам же взялся...

— Уж лучше так, чем диктант писать, — вздохнул приятель. — Я вот наверняка пару получу.

— Кто знает, может, и мне еще придется писать.

— Не придется, — подбодрил меня Щукин. — Помнишь, как мы с тобой контрольную по алгебре прогуляли? И ничего же, обошлось. И не переписывали. Скажешь, объелся конфет, а утром зубы разболелись. Я всегда так говорю.

Кто-кто, а Генка прогуливать уроки любил и обманывать тоже. Даже и не поймешь, что больше: обманывать или прогуливать. На контрольных он редкий гость. Если вдруг чуть запахло самостоятельной работой, Щукина можно на следующем уроке не ждать. Но сегодня диктант был внезапен, словно капкан для Генки. Иначе он, как и я, не явился бы на урок. А как он умудряется обманывать учителей! Это просто диву даешься! Даже я иной раз

ему верю, что у бедолаги разболелись зубы и он все утро с ними промучился. Хотя вчера вместе с ним же прогуливали этот самый урок.

«Не соврешь — не проживешь», — любил поговаривать Генка. И что самое обидное, так это то, что Любка к нему не придиралась вовсе. Наверное, потому, что он ее в прошлом году в лужу толкнул. Это только я могу припугнуть, что завяжу косы узлом, а на самом-то деле сдай меня сегодня Любка классному, я бы ничего ей не сделал. А вот Генка — тот может. Он парень озорной. Это мы сейчас с ним дружим, а раньше постоянно ругались и даже дрались, потому что тот считал меня настоящей тихоней и ботаником. Но после того как я стал вместе с ним прогуливать уроки, Генка поменял свое мнение, и теперь мы с ним друзья. И мне это нравится.

— Давай этой Кузьевой покажем, где раки зимуют?! — предложил мне Генка.

— Зачем?

— А затем, чтобы не приставала по пустякам. Знаешь такую поговорку: любопытной Варваре на базаре нос оторвали? Вот и она пусть своей нос не сует куда не следует, — важно проронил Щукин. — Или тебе нравится полы намывать?

— Нет, конечно же, — я виновато опустил голову и посмотрел на чистый пол.

— Тогда пошли.

— Куда?

— Увидишь, — сказал Щукин и вышел из класса. Я последовал за ним.

По вторникам и четвергам Любка занималась в доме творчества. Вот туда-то мы и направились. Само здание было небольшим, там любили проводить свободное время первоклашки и такие же зануды-старшеклассники, как наша Любка. Гардероба не было, и поэтому куртки ребятишек мирно висели на гвоздиках в длинном коридоре.

Любкину болоньевую куртку мы сразу нашли. Уж ее-то куртку не перепутаешь ни с чьей. И мы приступили за дело. Насыпали ей полные карманы земли и черным маркером исциркали всю спину, а затем быстренько выбежали на улицу, пока нас никто не видел. Генка предложил о Кузьевой исписать стену здания — пусть все знают, какая она. И я охотно согласился. Мы измарали стену ругательными словами и были очень довольны.

— Ну вот, теперь будет знать, как придира́ться, — сказал Генка, и я с ним согласился. Я с уважением посмотрел на него и порадовался, что мы с ним друзья. Вот какой у меня друг — ради меня идет на такой риск. Мы не стали долго любоваться своим художеством и поспешили скрыться, чтобы и тут нас никто не заметил.

У меня в кармане лежало немного денег, и я предложил поесть мороженого, на что Генка охотно согласился. Мне очень сейчас хотелось угостить своего друга. На тот момент мне казалось, что и я мог для Шукина тоже сделать многое. А Любка... Любка теперь будет знать, как с нами связываться. Если еще раз заикнется насчет полов, я вообще ее портфель заброшу на козырек школы. И пускай эта умница-разумница лезет и снимает его.

Я хорохорился про себя и был доволен, что ничуть не уступаю Шукину. Мы зашли в парк, я купил по стаканчику. Как только мороженое закончилось, а на новую порцию не хватало денег, Генка заметил кота, что мирно лежал себе на скамейке.

— Давай над котом подшутим? — предложил Генка.

— Давай, — обрадовался я. — А как?

— Привяжем к хвосту бутылку.

— Бутылку? — захолопал я глазами.

— Ну да. Пускай бегаёт гремит. Вот смеху-то будет.

Я немного расстроился. Издеваться над беззащитным животным, которое ничего плохого нам не сделало, мне вовсе не хотелось. Разве кот виноват, что попался нам на глаза. Но Генка не раздумывая направился к своей новой жертве, и я молча последовал за ним. Котик, заметив нас, даже не попытался убежать. Видно, привык к проходящему мимо народу. Шукин схватил кота и протянул его мне.

— Держи.

— Зачем?

— Ты что, трусил? — с такой усмешкой и презрением посмотрел на меня Генка, что мне стало стыдно. И я взял кота. — Подожди, сейчас весело будет.

Порывшись немного в портфеле, он достал оттуда веревку. Ох уж этот Генкин портфель, чего там только не было. Но речь сейчас не о нем. Приятель вынул из урны пустую бутылку и

обмотал ее веревкой. Другой конец привязал к пушистому хвосту. Я бросил кота на брусчатку, и тот, испуганный, помчался наутек, гремя бутылкой. Генка заржал во все горло, и я тоже, пытаясь ему не уступить.

— Что же вы наделали?! — послышалось сзади. — Справились. Разве можно так над бедным животным издеваться?

Мы обернулись и увидели девочку с длинной косой. Это была Зоя. Она хотела было догнать жертву наших утех, но кот умчался уже далеко. С этой девчонкой, моей соседкой, я был знаком. Я частенько с нею сталкивался и нередко спорил. Хуже нашей Любки-зануды могла быть только она. Уж поверьте мне.

— А тебе какое дело? — сердито спросил Генка. — Твой, что ли, кот?

— Котик не мой. Но ведь это совсем не имеет никакого значения. Разве вам самим не стыдно? Конечно, вы сильнее его, но это не дает вам никакого повода так себя с ним вести, — совсем не боясь Генкиного хмурого лица, укоризненно сказала нам эта самая Зоя.

— Подумаешь, — только и ответил ей Шукин. И, посмотрев на меня, закинув портфель на плечо, пошагал вперед. И правильно, нечего с ней связываться. Это не Любка — хоть дергай за косу, все равно не поймет. Уж такую упрямую всезнайку я никогда еще не встречал. Я пригрозил соседке кулаком и поспешил за Генкой.

Девочка с косой

Зоя Кулакова жила в том же доме, что и я, в одном подъезде со мной, только этажом выше. Жила она со своей родной тетей по матери, так как была круглой сиротой. Баба Маша — так мы называли Зоину тетушку. Поначалу, когда я об этом узнал, мне ее стало очень жалко. Представить даже трудно, как можно жить без мамы и папы.

Появилась она в нашем доме совсем недавно. Но за это время Зоя смогла нажить себе врагов среди ребят и девчат в нашем дворе, считая и меня. Девчонки ее не принимали играть, а ребята до того возненавидели, что не раз обещали поколотить. А все потому, как я уже сказал, что она была очень вредной и правильной. Папа ее

был героем. Погиб в Чеченскую войну, а мама умерла от болезни — долго хворала. Об этом было известно многим жильцам дома. Все взрослые ее жалели, в том числе и мои родители. Эх, знали бы только они, какая она вредина, — давно поменяли бы свое мнение. Наверняка отец ее был хорошим и добрым человеком, иначе бы не стал героем, не прикрыл бы собою гранату, не спас в автобусе детей. Плохие люди так не поступают. Вот, к примеру, бабушка Маша, ее тетя, у которой она живет, милая, добрая старушка. Всегда со всеми вежливая и нередко при встрече угощает меня конфетами. И пса Пирата она тоже любит. Взять, конечно, к себе в квартиру его не может, но всегда кормит во дворе кашей. Даже специальная миска стоит за углом дома. Да и сама Зоя частенько играет с псом в мяч. Но тут понятное дело — с кем же ей еще играть, раз ее никто не берет в свою команду. Только с хромым и одиноким псом.

Вот такая вот у меня соседка — Правильная всезнайка с большой буквы. Свесит свою длинную косу через плечо, округлит большие карие глаза, выставит руки в боки и давай цепляться к каждому со своими нравоучениями. Все-то она знает: как нужно себя вести и как ни в коем случае нельзя.

Однажды мне здорово влетело от родителей из-за этой Зои. Зимой в новогодние праздники я, как обычно, с ребятами играл во дворе. Погода на удивление была теплой. Снег подтаивал, будто пришел к нам веселый март.

— А давайте снеговика слепим? — предложила Валюшка Котюсова, девчущка из соседнего подъезда.

— А почему бы и нет? Давайте! — поддержал ее Санька Коробов.

И мы принялись катать снежные колобки. Полчаса — и снежная кукла красовалась в нашем дворе, гордо задрав огромную голову.

— Я сейчас, — улыбнулась Валюшка и побежала к дому.

— Куда ты? — окликнул ее Санька.

Котюсова обернулась.

— За морковкой для носа. А еще краски возьму, разукрасим ему пуговицы.

Все бы этим девчонкам только что-нибудь разукрасить. Уже у подъезда Валюшка снова окликнула нас.

— Ребята, а вынесите кто-нибудь ведро.

— Мусорное? — не сразу догадались мы.

— Да нет, — засмеялась подруга. — Снеговику на голову.

Валюшка забежала в дом. Мы с Санькой переглянулись. Признаться, ведер у нас и не было. Это не в деревне. Вот у бабы Ани в Черемушках этих ведер хоть с полусотни снеговикам на голову надень, и то жалко не будет. Но мы-то слепили снежную бабу не в Черемушках.

— Я могу вынести свой старый шарф, он мне как раз не нужен, обмотаем снеговику шею, — предложил я.

— Может, и ведро заодно захватишь? — подсказал Санька.

— Нет уж. А то так нечестно получается. Мы с Валюшкой — все, а ты — ничего, словно это и не твой снеговик.

Санька направился к подъезду. Через несколько минут он появился вместе с Котюсовой. Та, как и обещала, вынесла морковь и краски. Понятное дело, этого добра в каждой квартире хватает. Санька вместо ведра держал в руке старую шапку-ушанку.

— А что? — спросил виновато он. — Можно сказать, снеговики шапки не носят.

— Носят, еще как носят, — заверила его Валюшка, радостная тем, что и мы включились в ее игру.

И вот каких-то десять минут — наш снеговик стоял посреди двора, раскинув руки-ветви. Ярко-оранжевый нос так и заманивал бедных замерзших птах полакомиться им. А разноцветные пуговицы, как у клоуна, красовались на белоснежной груди.

— Ну вот, — сказала Валюшка. — Теперь наш снеговик самый красивый в мире.

Мы с Санькой переглянулись и улыбнулись. Уж, конечно, не во всем мире, но, пожалуй, на улице не уступит другим снеговикам. Даже Пират оценил нашего снежного человечка. Пока мы лепили и разукрашивали его, он мирно лежал под железной горкой и любопытно поглядывал на нас одним глазом. Но стоило нам только оставить снеговика и отойти в сторону, как он тут же принялся на него лаять.

— Ух ты, посмотрите-ка, какой вояка, — улыбнулась Валюшка. — И чем он тебе только помешал?

— Собака есть собака, чего тут скажешь, — сказал Санька и вдруг толкнул меня локтем. — Смотри!

На третьем этаже было открыто окно, и с подоконника за всей этой ситуацией наблюдал рыжий кот. Он лениво поглядывал на нас, свесив лапу вниз. Казалось, будто кот сейчас думал: «Ну, чего разлаялся, глупый пес?»

— Посмотрите, какой барин, — подметил Санька.

— А хочешь, я его сейчас снежком собью?

— Ты?

— Ну да.

— Не попадешь.

Ох, лучше бы Санька не произносил эти слова. Тогда, наверное, я был похож на Кольку, что любил со всеми спорить.

— А если окно разобьешь? — одернула меня Котюсова.

— Ха! — усмехнулся я. — Да тут слепой попадет.

Но на всякий случай договорились, что после броска, не важно, попаду я в кота или нет, бежим за угол магазина, чтобы нас никто не видел. Я слепил снежный комок, помял его хорошенько в ладонях и, оглянувшись по сторонам, убедившись, что за нами никто не наблюдает, запустил в наглого кота.

Как так получилось, до сих пор ума не приложу, но комок действительно попал в соседнее окно. Блям! Посыпались осколки. Мы бросились наутек. Как назло в это время проходила Зоя Кулакова. Она-то и заметила мой неудачный бросок. И как я ее ни пугал, что ей же хуже будет, если об этом кто-нибудь узнает, все без толку. Этим же вечером я с отцом ходил извиняться к соседям, а потом все зимние каникулы просидел дома, наблюдая в окно, как ребятишки веселятся во дворе. И та же самая Зоя играла с Пиратом возле нашего разноцветного снеговика.

Вот тогда-то я ее и возненавидел. И на протяжении всего домашнего ареста придумывал для нее мечь. Вот возьму ее за длинную косу, и будет знать, как ябедничать. Но начались школьные будни, и я про Кулакову забыл. Не до нее мне было. Да если честно, то и связываться с нею дороже себе. И так все соседи никак не нахвалят эту «милую добрую девочку».

Вот такая она, эта Зоя Кулакова.

Несчастный случай

И все-таки радость одна не ходит. Всегда где-то позади, в тени, прячется, осторожно выглядывая из-за угла, сестрица-беда. Так частенько любила поговаривать баба Аня. Мама же на этот счет говорила так: «Словно закон подлости». Когда я был еще совсем маленьким, то частенько раздумывал: кто, а главное, зачем, придумал этот закон. Я давно уже не ребенок и знаю смысл обеих этих фраз. Но как-то никогда не придавал этому особого значения.

Во-первых, начнем с того, что я в весенние каникулы заболел. Набегался с Генкой под холодным дождем и захворал. И ведь главное и самое обидное — это то, что самому Генке ничегошеньки, даже насморка не было. Я же с температурой провалялся в постели все школьные каникулы. Тут уж действительно не до шуток. Поневоле вспомнишь про этот самый закон. Всегда этому Щукину во всем везет. Не то что мне. И чего бы нам тогда не остаться под козырьком школы и не переждать непогоду. Нет, послушался Генку. А дождик тогда разошелся не на шутку. Уроки давно уже закончились, и находиться лишний час в школе никому не хотелось. Но дождь никого не выпускал.

— Надо идти, — со спокойным видом промолвил Генка.

— Чтобы заболеть? — одернула его Светка Квитко. — В такую погоду хороший хозяин собаку не выпустит...

— Не сахарный, не растаю, — ответил Генка и по привычке нахмурил густые брови. А чего их хмурить? Светка все правильно говорит. Вот она-то никогда никому зла не желает, даже самым отчаянным хулиганам, таким, как Щукин. Не то что Любка Кузьева — от этой особы всегда жди подвоха.

Я посмотрел на Квитко и отчего-то сразу же вспомнил нашего Пирата. Вот если бы у него был хозяин, да еще и хороший, то ни за что бы не выгнал его на улицу. И грелся бы сейчас Пиратушка где-нибудь у батареи и поглядывал на доброго хозяина. А тот непременно сидел бы рядом в кресле, пил горячий чай и листал газету. Но никакого хозяина, даже самого плохого, у Пирата не было. И поэтому сейчас он,

скорее всего, как обычно, прятался от дождя под железной горкой в нашем дворе.

— Да тут, если бегом, — пять минут и на троллейбусной остановке, — сказал Генка и посмотрел на меня. — Ну, кто со мной? Кто смелый и закаленный?

Ох, знает этот Шукин, как сказать, чтобы я последовал за ним. Кому охота быть трусом и хлюпиком? И мы с Генкой под удивленные возгласы шагнули под дождь.

— Ненормальные! — слышался Светкин голос.

— Закалённые, — поправил я ее и вместе с Генкой под дождем поспешил к троллейбусной остановке, весело смеясь и размахивая портфелем.

Вечером того же дня я слег с температурой и целую неделю пролежал в постели. Вот тебе и закаленный. И ладно бы еще заболеть зимой. Не так обидно. А иногда даже и приятно поваляться с градусником под мышкой. Все за тобой ухаживают, а ты лежишь себе в теплой постели, прищурив притворно глаза, и тихонько постанываешь. Но это если у тебя кашель и температура невысокая. А то однажды у меня был такой жар и виски сдавливало так, что того и гляди голова лопнет. Тут уж действительно не до притворства. Лучше уж в школе за партой алгебру зубрить, чем так мучиться. Но это было давно и всего один раз. Зимой в морозы, когда на улицу силком никого не вытащить, парутройку дней можно и похворать. В школу ходить не нужно, и поэтому про уроки тоже можно забыть. По утрам, когда родители уходили на работу, я доставал из-под кровати «Денди» и весь день играл в любимые «танчики» или «Марио». Но заболеть весной, извините меня, это уже свинство. За всю суровую зиму, когда ты так соскучился по солнышку и теплым денькам, нужно взять и слечь с температурой.

Снег на улице почти растаял, за окном щебечут птицы и веселится ребятня. А чего бы не веселиться, раз наступили каникулы и расцвела весна. Но только стоило каникулам закончиться, как тут же выздоровел и я. С первым учебным днем последней четверти я с портфелем отправился в школу.

Перед самыми майскими праздниками, когда все мысли только и были о поездке в деревню да о бабушкиной избе, случилась настоящая

беда. Мы с Генкой после уроков решили покататься на велосипедах. У Шукина был старенький отцовский велик с рамой. Кататься на таком шестикласснику, признаюсь я вам, трудновато. У меня же была «Десна» — велосипед как раз для моих лет. Где-где, а уж тут я всегда держал превосходство над Генкой. И это понятное дело. Разве на таком допотопном транспорте разгонишься?

Мы любили выезжать в старый район города — там не было многоэтажных построек, да и машины встречались нечасто. Но зато там была уйма собак, которые очень любили гоняться за велосипедистами. Разгонишься по длинной безжизненной улице, свистнешь, как соловей-разбойник, — и вот уже за тобой несется целая свора собак. Каждая пытается перелаять друг дружку. Мне всегда кажется, что и собаки понимают нашу игру. Лают на всю округу так, что грачи на деревьях затихают. Но это так, для притворства. Ведь только мы с Генкой остановимся, как дворняги тут же отбегают в сторону и молча посматривают на нас умными глазами. Но стоит сесть на велик и крутануть пару раз педалями, как вновь завяжется гонка. И, что самое удивительное, собаки не пытаются нас обогнать или подрезать. Хотя могут. Для них, видно, интересен сам процесс: мы от них удираем, а они нас гонят.

Генка постоянно находится позади меня, и я частенько слышу, как он пыхтит мне в спину. Пока разгонит свой велосипед, становится красным как рак. Тяжело. Это не на моем — крутанул пару раз педалями и лети-свисти, ни о чем не думай. И тормозить на моем интереснее. Разгонишься, как дашь по тормозам, тебя аж выворачивает в обратную сторону. Пыль столбом. Классно! Шукин же пытается тормозить плавно, чтобы не навернуться, и его заднее колесо лениво шаркает об асфальт. Эдак неинтересно.

Я знаю, что значит кататься на таком велосипеде. В Черемушках у деда Василия точно такой же агрегат. Даже, наверное, постарше. Но там, в деревне, у всех мальчишек такие велосипеды, и когда катаешься, то не обидно, что у кого-то лучше, а у кого-то похуже. Это прошлым летом я научился ездить верхом, а до этого просовывал одну ногу под раму и крутил педали. Так многие мальчишки моих лет катались, кто не доставал до педалей верхом. Со

стороны казалось, словно черепаха выглядывает из-под панциря.

У ребят, кто постарше, имеются мотоциклы и мопеды. Вот у Димки Сустаева мопед «Карпаты». Он хоть и постарше меня всего на год, но уже два года как обходится без велосипеда. Это понятно, был бы у меня эдакий мини-мотоцикл, я бы тоже позабыл обо всем на свете. Димка мне как-то дал разок прокатиться на нем у реки. Долго же мне пришлось его тогда уговаривать. И только когда я предложил за это свои наручные часы, Сустаев сдался. Правда, по возвращении обратно в город я их у него забрал. Но мопед, я вам скажу, у Димки что надо. И, чтобы на нем прокатиться, никаких часов не жалко. У него даже имеются спидометр и две скорости.

«Это вам не шуточки», — частенько говорит Димка, и все ребяташки, у которых нет такого мопеда, ему верят.

Вообще, в Черемушках почти у каждого жителя в гараже имелся мотоцикл. На ходу он или разобран по запчастям — не важно, главное, что имелся. На них еще катались отцы сегодняшних ребят.

Почему у деда Василия не было в гараже мотоцикла, я не знаю. Но зато у него была машина «Жигули». А вот у Сереги Ометова красовался во дворе красный «Минск». Достался от отца. Ему всего пятнадцать, даже прав не имеет, но уже всюю гоняет на нем по деревне. У того на спидометре далеко за сотню. Вот уж где действительно «это вам не шуточки». Серега — хороший парень, всегда всех катает, только попроси. Но сестя за руль никому не разрешает. Вот если помыть колеса и глушитель, то это всегда пожалуйста. Верхнюю часть Ометов влажной тряпкой протирает сам. А то, что он никому не дает кататься, это не от того, что Серега жадный, а потому, что «Минск» не игрушки. И он прекрасно это понимает. Это вам не мопед, на таком «жеребенке» шею вмиг свернешь.

Накатавшись вдоволь, мы уже собирались ехать по домам, как за поворотом, что шел на соседнюю улицу, услышали громкие детские голоса. Мы с Генкой решили проверить, чего это детвора так раскричалась, словно повстречала Деда Мороза.

Так и есть. У огромной березы мы увидели

ватагу ребяташек. Они отчаянно ругались между собой. В стороне стоял мальчик и тихо шмыгал носом.

— Что за шум, а драки нету? — свистнул на них Генка. Детишки обернулись и ошарашенными глазами уставились на нас. Было видно, что Генка их испугал. Я улыбнулся.

— Ну, чего у вас тут стряслось?

— Да вот, — сказал белокурый мальчишка в зеленой бейсболке и головою кивнул на товарища, который стоял рядом и шмыгал носом. — Доверили ему... а он...

— Что же он такого натворил, что вы все взъелись?

Нам с Генкой стало и впрямь интересно. Мальчик со светлой челкой показал рукой на макушку березы, и мы увидели на одной из веток запутавшегося воздушного змея. Он, как котенок, смотрел на нас сверху игривыми глазами и весело улыбался, что его никто не может достать.

— Говорили ему: левее бери, сильнее на себя тяни, а он... — мальчик печально вздохнул.

— Ха, и стоит из-за этого переживать! — усмехнулся я в надежде, что Генка меня поддержит и предложит залезть на дерево. Но Генка молчал. И мне пришлось пообещать, что я смогу достать их непутевого змея.

— Правда? — спросил меня мальчик, который до этого только виновато смотрел под ноги и шмыгал носом.

— А то, — и мне пришлось прихвастнуть, что это дело пустяковое.

Конечно, по деревьям я иногда лазал, когда бывал в деревне. Но так высоко мне еще не приходилось вскарабкиваться. Эх, жаль, что тогда с нами не было Кольки. Уж он бы и усом не повел. Слезал бы и достал эту картонную игрушку в считанные минуты. Но Кольки с нами не было, и пришлось лезть мне, раз я пообещал. Самое неприятное в этом деле — это то, что спускаться намного тяжелее. Забраться можно и высоко, а вот слезть обратно — это уже не так-то просто. Да и змей этот еще запутался почти у самой верхушки. До него я так и не добрался. Сам уже не знаю, как все произошло. По-видимому, я оступился либо нога соскользнула с ветки... Так или иначе, но я сорвался и упал на землю. Помню резкую боль в правой ноге и хруст, словно наступили на замерзший снег. Дети сразу разбежались кто ку-

да. Генка сначала подбежал ко мне, но, не сумев меня успокоить, бросился звать взрослых. Было больно. Помню, как сквозь слезы я звал маму. Все остальное помнится смутно. Да и не хочется, если честно, вспоминать об этом.

Беседа у скамейки

Почти месяц я пролежал в больнице. Правая нога, на которую я так неудачно упал, была сломана. Перелом оказался серьезным. Наверное, поэтому так долго и не заживала. Отец, чтобы меня утешить, по секрету признался, что гипс скоро снимут — недели через три. Оказывается, и он в моем возрасте ломал руку, но ходил с гипсом недолго. Но я же не папка. Гипс мне так и не сняли. Только к концу мая с костылями я выписался из больницы. Эх, папка-папка, ничегошеньки ты не понимаешь в переломах. Хотя рука — это же не нога, она быстрее заживает. Или, быть может, я такой никудашный и нога у меня такая хлипкая, оттого и не срывается?

Пока я лежал в больнице, мама каждый вечер навещала меня. К тому времени она вышла в дневную смену. Днем пропадала на работе, а вечерами спешила ко мне в палату. Милая моя мама! Как же сильно она переживала за меня все это время, пока я лежал на больничной койке. Словно этот перелом был не у меня, а у нее. Это было видно по ее глазам. С какой болью, нежностью и тревогой каждый раз они смотрели на меня. Добрые мамыны глазки! Как же сильно я ее люблю! О любви своей я знал всегда, но именно тогда, когда я оказался в больнице, именно тогда я хотел прокричать на всю палату о своей любви к ней. Я прижимался к маминым теплым ладоням щекой и, как маленький птенец, ощущал всю ее доброту и нежность. И так было горько мне тогда от того, что я ее обманывал. И, зажмурившись, я пообещал себе, что больше никогда не совру этим добрым глазкам.

В школе я экстерном сдал предметы и получил оценки за четвертую четверть. В то время, что я был в больнице, мне ничего не оставалось, как заниматься уроками. Оказывается, вовсе и не скучно учить, скажем, историю или биологию. Даже интересно. И чего мне раньше не нрави-

лись эти предметы? А вот с физикой все было намного сложнее. Но я ее вызубрил так, что самому себе на удивление получил четверку за четверть. Но годовой оценкой все равно была тройка. Денис Геннадьевич сказал мне, что если я и впредь буду так же готовиться к урокам, то твердая четверка мне обеспечена. Ох, как же все-таки хорошо, что этих слов не слышала моя мама. Твердой тройки мне вполне достаточно. А вот историю, биологию и литературу я пообещал себе подтянуть. Посмотрим, получится ли. Но я буду стараться. Теперь же на протяжении трех недель мне нужно было готовиться к экзамену по географии. Но как только я очутился дома, учить билеты, сидеть целыми днями за учебником оказалось куда сложнее, чем в больнице. Но все-таки этот предмет я потихонечку зубрю. Да и что мне остается еще делать, кроме того как не играть в «Денди»? Гулять я далеко не хожу, да и не с кем мне теперь гулять. Генку я не видел с тех самых пор, как упал с дерева. В больнице он тоже меня ни разу не навещал. Всем друзьям-одноклассникам теперь стало не до меня. Это понятно. Со мной не побегаешь, не покатаешься на скейте или велосипеде, не похулиганишь. Разве что посидеть на скамейке в моем дворе, но это же так скучно.

А на улице — начало лета, солнышко светило вовсю, так и манило убежать за город и искупаться в Волге. Разве им теперь до меня? Одни только Любка Кузьева да Светка Квитко заходили ко мне в больницу. Принесли как-то яблок и груш, а взамен съели половину шоколадных конфет. Оказывается, Любка не такая уж и вредная. И даже интересная девчонка, если хорошенько к ней прислушаться. Забавная. Стала рассказывать, как ездила в деревню и с дедом пошла по грибы. Да заблудились. Дед уж старый, дороги не помнит да глуховат еще на одно ухо. Ох, мы со Светкой и насмеялись, пока слушали ее историю. Когда они засобирались домой, я попросил Любу остаться на минутку и признался ей, что это я тогда испачкал ее куртку.

— А я знала, что это ты, — сказала Любка.

— А почему же ты никому не рассказала об этом? — удивился я.

Кузьева по-доброму мне улыбнулась и, ничего не ответив, отправилась догонять Светку. Я тогда долго лежал и думал над ее ответом. Мо-

жет, не такая уж она и плохая? Не знаю. Но в глубине души я знал одно точно — хорошо, что у нас такая староста.

Ближе к полудню я обычно выходил во двор. Усаживался на скамейку и подолгу наблюдал, как играют на детской площадке детишки. Эх, забавное время. Никаких забот. Играй себе и играй, и никто слова не скажет, что не выучены уроки или нужно убраться в комнате.

Я всегда, как только собираюсь на улицу, беру с собой завернутую в газету докторскую колбасу или же блины с мясом. Если где-нибудь неподалеку появится Пират, то мне будет чем его пригласить к себе. Хотя его тоже сейчас редко можно застать в нашем дворе. Бегает где-то по городу и только вечерами появляется и укладывается под свою любимую детскую горку. Но уж если он где-то рядом, то ни за что не откажется испробовать маминых блинчиков. С ним хоть было повеселее. Положит морду на мои колени и умными глазами уставится на меня. И погладить его можно, и потрепать за ухом, и поговорить. Всё не так скучно. Теперь же даже Валюшка Котюсова и Санька Коробов редкий раз присаживались на скамейку поболтать. Все некогда да некогда. А если и присядут, то только на минутку. Спросят о чем-нибудь и быстрее увильнут куда-нибудь в город. Вот тебе и вся дружба.

Однажды, когда я сидел на скамейке и наблюдал за малышкой, меня окликнул чей-то знакомый и в то же время чужой для меня голос. Я обернулся и увидел рядом с собой Зою Кулакову. Она на секунду перевела взгляд на карапузов, что весело играли в песочнице, и с улыбкой посмотрела на меня.

— Когда я была их возраста, то очень любила с мальчишками строить замки из песка и подземные города.

— Ну ты же девчонка, — вырвалось у меня.

— Ну и что, — усмехнулась Зоя. — Ты думаешь, из нас плохие архитекторы?

— Ничего я не думаю, — нахмурился я, сам не зная отчего.

Зоя присела на скамейку и молча принялась разглядывать траву у своих ног. Долгое молчание понемногу стало раздражать нас обоих. Да и поговорить с кем-нибудь, если честно, за долгое время мне очень захотелось. Пусть даже если моей собеседницей оказалась вредина из вредин.

— Ты знаешь, — развеяла тишину Кулакова, — сегодня утром Пирата видела в городе, возле булочной, что напротив памятника Гоголю.

— К чему это ты?

— Ну как же, ведь эта колбаса в пакете, я так понимаю, для него? Это очень хорошо, что ты заботаешься о бедном песике. Ведь у него совсем нет никого в этом мире. А что самое главное для собаки, да и, пожалуй, для каждого живого существа? Это иметь друга. Я тоже время от времени стараюсь угощать его чем-нибудь вкусеньким, — тут Зоя как-то по-детски мечтательно улыбнулась. — Ты знаешь, он очень любит пельмени, — и, немного помолчав, тихонько вздохнула. — Ведь если у бедолаги нет хозяина, то кто его еще угостит, кроме друзей.

— Наверное, ты права, — согласился я.

— Мне кажется, что у нашего Пирата появилась невеста.

Это было сказано с такой серьезностью и в то же время сам смысл этих слов казался настолько очеловеченным, что я невольно засмеялся.

— Правду говорю, — засмеялась вместе со мной и Зоя. — Постоянно вижу его у этой булочной или у памятника.

— Может, он просто любитель творчества Гоголя, — пошутил я.

— Может, и такое.

— Невеста, скажешь тоже, — я снова улыбнулся. — Какой из Пирата жених? Хромой да вдобавок одноглазый.

— Вот тут ты, Ваня, не прав, — укоризненно подметила Зоя. Мне даже сделалось немного стыдно за свою шутку. — Ведь у животных мировоззрение совсем другое, не то что у нас. Для них не имеет особой важности, какой ты внешности, главное для них, что у тебя здесь, внутри. Им не важно, красив ты или уродлив, молодой или старый, здоровый или инвалид. Они все так же будут тебя любить и прижиматься мордочкой к твоим ладоням, пусть даже если они морщинисты. В отличие от нас, людей, они не ищут себе идеалов, а умеют по-настоящему искренне любить и быть преданными друзьями. Нам есть чему у них поучиться.

— Тут я полностью с тобой соглашусь.

Мне припомнились мои друзья, с которыми не так давно я весело играл и которым теперь, по случившимся обстоятельствам, совсем не

интересен. Не то что Пирату. Тот всегда рад меня видеть, здоров я или же хромой.

— Ой, смотри, — голос Зои стал снова по-детски добрым и слегка наивным. — Божья коровка.

Она осторожно указательным пальцем сняла с моей штанины красную пятнистую букашку и показала мне.

— Видишь, у нее четыре пятнышка на крыльшках. Это значит, что ей четыре годика. Мне так мама всегда говорила, — и, приподняв палец кверху, Зоя пропела: — Божья коровка, полети на небо, там твои детки кушают конфетки. Всем по одной, а тебе ни одной.

И только стоило пропеть песенку, как букашка расправила крылья и взмахнула к небу, к солнышку. Наверное, и правда, где-нибудь там, в белизне пушистых облаков, ее маленькие детишки уплетают конфетки. А маленьким, как известно, сладкого много нельзя.

— А я ведь шла на центральную площадь кормить голубей, — сказала Зоя. — Пойдешь со мной? Купим семечек. Знаешь, как они любят семечки! Ух, ты даже представить себе не можешь!

— Если ты не заметила, то у меня гипс.

— Ну, ведь как-то ты сюда спустился из квартиры. Значит, потихонечку ходишь.

— Если только потихонечку.

— Ну, а я бегом и не прошу. Да не бойся ты, тут же рядом. Будем идти с остановками. Ты, наверное, и сам соскучился по городу. А рядом с фонтаном продают наивкуснейшее мороженое. Особенно вкусный пломбир и клубничное. Хотя кому как. Сегодня угощаю я, — Зоя взяла мою ладонь и помогла подняться.

От ее звонкого голоса становилось хорошо на душе. Я взял костыли и не спеша направился с ней к центральной площади. Кулакова шла рядом, стараясь меня не обгонять. Интересно то, что Генку я всегда слушался, потому что не хотел показаться слабым или трусливым. С этой же девочкой я шел кормить голубей, потому что самому этого хотелось. Даже вовсе не потому, что я соскучился по прогулке по городу. Мне хотелось еще немного послушать ее веселый и нежный голосок.

А за окном идет дождь...

Голуби, как оказалось, и правда, очень любили семечки. По пути Зоя забежала в продуктовый магазин и купила два пакета — для меня и себя. На центральной площади у фонтана было много народу. И всего-то несколько голубей разгуливало по брусчатке. Я даже немного расстроился. Такой путь проделал на костылях! Вернее, дорога была не длинной, но само преодоление показалось весьма тяжелым. Не привык я так долго скакать на одной ноге. Но стоило Зое открыть пакет и бросить гулькам горсточку семян, как откуда ни возьмись слетелись и другие их собраты. И я тоже поспешил открыть свой пакетик.

Птиц слетелось много, и было забавно наблюдать за ними. В то же время непонятная радость наполняла душу. Ведь я понимал, что это именно я кормлю голодных птичек и именно благодаря нам они сейчас так ловко уплетают жареные семечки. И, значит, голуби очень рады нашему с Зоей появлению.

— Ну, вот и все, — улыбнулась Зоя, бросив последнюю горсточку. — Теперь еще долгу будут кружиться у этого места.

— И часто ты приходишь сюда? — спросил тогда я у Зои.

— Стараюсь как можно чаще, — ответила она мне. — Если ты не против, то можем ходить вместе. Вдвоем всё веселее.

— Не против.

— Ведь голубь считается священной птицей. В Библии голубка, выпущенная Ноем, принесла ему оливковый лист как символ примирения стихии. Это считается знаком прощения людей, — сказала Зоя. — Когда Господь крестился и выходил из воды, над Ним распахнулись небеса, блеснул яркий свет и Дух Божий в виде голубя сошел на крестившегося Господа нашего, Иисуса Христа.

— Правда? — с удивлением переспросил я.

— Правда, Ваня. А еще в виде этих птиц к нам прилетают ангелы и души наших умерших родственников, которые нас очень любили при жизни, — в глазах Зои блеснула грустинка, и она тихонько вздохнула. — Считалось, что ведьмы, которые могут принимать любые облики, могут оборачиваться в кого угодно, но

только не в голубей. Это чистая птица. Поэтому ни в коем случае не стоит их обижать. Это очень большой грех.

— Откуда ты все это знаешь? — поинтересовался я.

— Я знакома с одним очень удивительным и добрым человеком, — глаза Зои засветились, когда она заговорила о нём. — Это священнослужитель в нашей церкви. Отец Сергей. Я часто хожу в церковь поставить свечу за упокой родителей.

И мне снова стало жалко Зою, эту маленькую добрую девочку, ее родителей, что так рано покинули этот мир, и вообще всех-всех детишек-сирот. Ведь это очень страшно — остаться без мамы и папы. Я посмотрел еще раз на голубей и ужаснулся. Стал мысленно припоминать, обижал ли я когда-нибудь их? Но так и не припомнил. Кошек и собак обижал. Вспомнился последний случай, когда мы с Генкой так жестоко подшутили над котом. И очень стыдно стало перед Зоей за тот поступок. Так стыдно, что я даже стеснялся заглянуть ей в глаза, словно она только и делала, что постоянно думала о том дне. Кулакова, видимо, заметила мое переменчивое настроение и предложила поесть мороженого.

— Но в следующий раз мороженое с меня, — пообещал довольный я.

Зоя посмотрела на меня и улыбнулась.

— Я не против.

И мы отправились с ней к фонтану, где женщина в синем фартуке торговала ледяным лакомством.

Весь следующий день шел дождь. Он то расходился, то утихал, то снова расходился и снова утихал. И так весь день. У матери был выходной, а так как погода была никудашная, то за покупками и по другим делам в город решила не ехать. Она хозяйничала на кухне, гремя посудой, и напевала какую-то песню. Иногда заглядывала ко мне убедиться, готовлюсь ли я к экзамену. А что мне еще оставалось делать? Хотя я бы с радостью увильнул на часок-другой из дома. И, если признаться, такие планы были, но их испортил дождь.

Сейчас мне было совсем не до билетов. Облокотившись на левый локоть, я крутил на столе карандаш и вспоминал вчерашний день. Вернее, больше думалось о Зое. Никогда бы не по-

думал, что она такой удивительный человек. Добрая, веселая, забавная. С ней и правда было очень интересно. Хотя и с Генкой, и с Колькой мне тоже всегда интересно проводить время, но это не то. С этой девочкой я был вчера настоящим. Не боялся показаться наивным и несмышленым. С ребятами же всегда нужно держать ухо востро, чтобы не потеряться в их тени. Всегда нужно доказывать, что и ты не лыком шит, и ни чуточки не боишься, и можешь то же самое, как и они, и даже лучше. Но что говорить, когда эти самые друзья отвернулись от меня, как только мне наложили гипс. Потому как со мной неинтересно теперь. Но разве в этом весь самый интерес, чтобы бегать, играть и хулиганить? Ведь вчера у нас с Зоей ничего этого не было. А мне было с ней интересно. Все-таки она удивительный человек. Добрый.

Странно как-то, но раньше я никогда не задумывался о доброте и старался ее не замечать и даже как будто стеснялся её. Стеснялся добрых ласковых маминых слов при людях, мне казалось, что в их глазах я становлюсь маленьким ребенком. А разве охота им быть шестикласснику? Но при первом общении с Зоей я сразу почувствовал ее доброту. Правда. Оказывается, доброту другого человека можно почувствовать. И так потом становится хорошо на душе, что и самому хочется сделать что-нибудь хорошее. Ведь предложи мне Генка вчера покормить голубей, я бы весело рассмеялся. Но от Зои не веяло насмешкой, а исходила доброта, что невозможно было с ней не пойти. А какие у нее глаза! Умные, веселые, чуточку наивные. Как они по-детски радовались божьей коровке, словно на ладони у нее была не букашка, а целый мир. Вот она где настоящая радость — уметь радоваться самым простым вещам, которые окружают нас каждый день.

Несколько раз я подходил к окну посмотреть, нет ли во дворе Зои. Вроде бы дождь и стих, но прохожие попадались редко. Зоя появилась ближе к вечеру. Она прогуливалась с зонтиком, а рядом с ней весело прыгал по лужам Пират. Зоя останавливалась и, по-видимому, что-то говорила псу, потому как тот замирал на месте и, опрокинув голову набок, смотрел на Кулакову. Наверняка она ему говорила, что по лужам игриво так бегать нельзя. Ведь ты уже взрослый

пес, а не маленький несмышленный щенок. И, как подобает взрослому благородному псу, нужно вести себя куда скромнее. Думаю, что смысл ее фраз был приблизительно таков. Уж чего-чего, а Кулакова замечание сделать может. С этой мыслью я улыбнулся. По стеклу маленькой струйкой пробежала капелька дождя, и, глядя на нее, я подумал тогда: такая безобидная кроха. Но если эта самая кроха с сотней тысяч миллионов таких же малюток-сестер, то они запросто могут испортить весь день, как сегодня. В комнату вошла мама.

— Чего скучаем? — ласково спросила она и подошла ко мне. Я быстро отошел от окна, чтобы она вдруг не заподозрила, что я наблюдаю за девочкой.

— Ничего я не скучаю, просто решил перевести мысли на что-то другое, кроме географии.

— Как нога?

— Как в танке, — улыбнулся я.

Мама тоже улыбнулась.

— Это хорошо, что у тебя веселое настроение. Я звонила доктору, через неделю нужно будет показаться. Если все хорошо, то гипс снимут, — мама обняла меня и поцеловала в макушку. — Пошли ужинать.

— Я сейчас.

Мама покинула комнату, а я, опершись на костыли, подошел к окну. Ни Зои, ни Пирата уже не было видно, только одинокий прохожий в темном плаще куда-то неторопливо шел. Но он-то мне был совсем неинтересен. И, задвигнув занавеску, я отправился на кухню.

Старость не в радость

Следующее утро выдалось солнечным. Пасмурных серых тучек на небе не было. И это радовало. Дома я был один. Мама вообще уходит на работу очень рано, когда мы с папой еще досматриваем сны.

Я быстренько позавтракал и поспешил во двор всё к той же скамейке у песочницы. Уж сегодня я точно увижусь с Зоей. Просто наверняка. Эта мысль меня так обрадовала, что я даже не заметил, как очутился на улице. Хотя ковылять на костылях по подъезду ой как неудобно. Это еще хорошо, что в нашем доме есть лифт. А

если бы его не было? Пожалуй, с пятого этажа спускаться и подниматься оказалось бы весьма проблематично.

Во дворе народу было не так много. Две молодых мамы стояли у тополя, катали коляски с детьми и о чем-то важном и интересном беседовали. Одна тихонько хихикала, другая, глядя на нее, разводила руками. И на детской площадке детишек оказалось немного. Странно, вроде и не раннее утро. Два мальчугана играли в песочнице, сооружая то ли крепость, то ли пещеру в большой горе. Рядом девчушка в голубеньком платьице пыталась им помочь — подносила загорелыми ручонками песочек и камушки. Мальчишки на ее помощь фыркали и прогоняли, но девочка не унималась, пытаясь включиться в их игру. Рядом сидела старушка и с улыбкой поглядывала на детей. Скорее всего, это была бабушка. Ведь не оставят же таких крох одних без присмотра. Кому-нибудь нужно за ними присматривать. Бабушки как раз с такой работенкой хорошо справляются. Пирата нигде не было видно. Наверняка опять шляется у той булочной, что у памятника. Я припомнил Зоины слова по поводу невесты и улыбнулся. Представил Пирата в шляпе, с черной бабочкой на шее и с цветком в зубах. Настоящий жених. Всем женихам жених. И невеста у него тоже красивая. Конечно, красивая, а иначе и быть не может. Белый пудель. Ага. Белоснежная, как кусочек сахара, и с бантом на голове. С розовым бантом. Я еще хотел приодеть ее в платье, как часто это делают на всяких там собачьих выставках, но подумал, что банта будет вполне достаточно. И вот сидят они рядом, прижавшись друг к дружке, и поглядывают на Гоголя, а какой-нибудь посетитель булочной, заметив такую красивую и нарядную пару, угостит их кексом. Хотя нет, лучше сосиской в тесте. Я бы тоже угостил.

И не успел я представить Пирата с невестой и сыграть их собачью свадьбу, как рядом, тяжело дыша, присела на скамейку старушка. Огромный пакет она поставила к ногам, а тросточку прислонила к скамье. Бабушка была маленького роста и очень полная, наверное, поэтому никак не могла отдышаться. Как только одышка прошла, она, убрав платком со лба капельки пота, посмотрела на меня и сказала:

— Да уж, старость не в радость.

Произнесено это было не то с горечью, не то с обидой, что молодость больше не вернуть. Всё, мол, упорхнула она, как пташка синеглазая в небо. И не поймать ее, не возвратить. Поэтому в голосе и прозвучала грусть.

Старушка, посмотрев на мою ногу, спросила:

— И где тебя так угораздило, милоч?

— С дерева упал.

— Во-от. Теперь будешь знать, как по деревьям карабкаться. Небось, озорничал? — с прищуром спросила старушка и улыбнулась. — Ох, и сама такой была. Шустрая, веселая, как стрекоза...

— И по деревьям лазали?

Отчего-то эту старушку я никак не мог представить озорной, веселой девчушкой, взбирающейся на березу.

— Ну не то чтоб по деревьям, но на яблоню залезала, — тут бабушка раскрыла пакет и угостила меня яблоком. — Держи. В нем все витамины. Хотя... магазинные ведь, привозные... Но все же...

Я взял яблоко и поблагодарил добрую старушку. Надкусил — яблоко как яблоко, даже сочное.

— Вот в деревне у нас, отколь я родом, в каждом дворе и яблони, и вишни. И в огородах у каждого все свое было, а все равно девчушкой с подругами за чужими яблоками лазала, — бабушка улыбнулась. — Чужое всегда слаще. Залезем вечером к тетке Анисье в сад яблочка нарвать, а она заприметит, выйдет на крыльцо и давай нас журить: «Эх вы, окаянные, эх вы, пичужки озорные, эх вы...» Мы — врассыпную. А тетка Анисья посмеется над нами, трусихами, и уйдет в избу.

Тут старушка, переведя взгляд на малышей, которые играли на детской площадке и которых становилось все больше и больше, приутихла. Наверное, опять что-нибудь вспомнила из прошлого. Странно как-то, но почему-то все пожилые люди любят ворошить прошлое, рассказывать о юности своей, да и вообще вспоминать прожитую жизнь. Я не раз это замечал. Бабушка Аня, дед Василий, дед Александр, да и другие старики и старушки из Черемушек, как начнут о жизни рассказывать — не переслушать. И у всех интересные забавные истории. Есть и грустные. Всякие есть. На то она и жизнь. Какую прожили — такие и воспоминания. Не было такой старушки в деревне, кото-

рой нечего было рассказать. Парочка историй все равно найдется. Грустных или веселых, но найдется. Только попроси и, главное, — повнимательней слушай, они это любят.

— Теперь уж так не побегаешь, не поиграешь, — улыбнулась мне старушка, а голосок все равно прозвучал грустно.

Мой взгляд невольно упал на бабушкины ноги, и я ужаснулся. На ее полных ногах были вздутые синие вены. С такими ногами не то что бегать, а ходить тяжело. И вот старушка, опираясь на трость, приподнялась и, тяжело вздохнув, сказала:

— Ну, выздоравливай да повнимательнее будь, береги ноженьки.

И бабушка с пакетом, раскачиваясь, тяжелой гусиной походкой направилась к нашему подъезду. Она жила в моем доме, и я не раз сталкивался с нею в подъезде либо на улице, но как зовут ее, из какой она квартиры, я не знал. Вот так вот оно жить в городе, даже не знаешь, как зовут соседей через стенку, не то что этажом ниже или выше. А вот в деревне совсем все по-другому. Каждый житель Черемушек знает по имени и отчеству своих соседей, да и всю деревню. На то она и деревня. Там всего-то пару сотен дворов, еще бы друг дружку не знать.

Не дождавшись Зои, я решил докостылять до центральной площади. Может быть, она сейчас там? Может, стоит рядом с фонтаном и беседует с голубями? Площадь была рядом, только вот преодолевать этот путь на костылях было тяжело. Но не все же сидеть на одном месте. Я сунул костыли под мышки и не спеша направился туда. По пути зашел в магазин купить семечек. Вернее, не сам зашел, а попросил женщину, что направлялась за покупками, потому как к магазину вели крутые ступеньки.

На площади Зои тоже не оказалось. На скамейках по-прежнему отдыхали люди и мило вели беседы. Возле фонтана все та же женщина в синем фартуке продавала мороженое. Как и в прошлый раз, всего несколько голубок разгуливали по брусчатке.

— Эх вы, разведчики, — сказал я птицам и раскрыл пакетик.

И снова только стоило мне бросить горсточку семян, как откуда ни возьмись слетелись и другие голуби.

— И где вы все только прячетесь? — недоумевал я.

Птиц было так много, что я не заметил, как пакетик мой опустел. Стало немного грустно от того, что голуби по-прежнему жались у моих ног в надежде разыскать хоть одну семечку, а семечек не было. И я пообещал, что в следующий раз куплю два огромных пакета. А может, и три.

Направился за мороженым. Но только я докостылял до фонтана, где вежливая продавщица предлагала всем остудиться в жаркий полдень, как откуда ни возьмись появилась Света Квитко. Она была со своим папой Николаем и младшим братиком Мишей. Дядю Колю я немного знал. Они дружили с моим папой, оба были заядлыми рыбаками и потому частенько вместе уезжали рыбачить на Волгу. Дядя Коля даже бывал несколько раз у нас в гостях. Очень добрый и интересный человек. Но с папой постоянно отчего-то спорят о рыбе. А чего о ней спорить — рыба от этого ведь больше не станет.

— Ну, признавайся, как уж умудрился с дерева упасть? — улыбнулся мне Николай Квитко и по-дружески подмигнул. Но я все равно смутился, не зная, что сказать. — Ну, ничего, со всеми бывает. До свадьбы заживет.

Ох уж дядя Коля и шутник! Скажет тоже — до свадьбы. До свадьбы еще десять раз заживет, как не больше.

— Пап, пожалуй, я сегодня буду эскимо, — сказала Светланка и показала продавщице пальцем.

— А я клубничное, — сказал Миша.

— Ну, а ты какое будешь? — спросил меня дядя Коля.

— Наверное, тоже эскимо, — пожал я плечами. — Только деньги у меня есть.

— Ну, брат, ты меня обижаешь, — дядя Коля похлопал меня по плечу и, достав из кармана рубахи бумажник, обратился к продавщице. — Нам, пожалуйста, два эскимо и два клубничных.

Продавщица улыбнулась и подала мороженое. И мы вчетвером присели на скамейку, потому что дядя Коля стал рассказывать, как они с моим отцом однажды поймали огромного сома больше моего роста. Это было давно, я

тогда еще совсем маленьким был. Следом за этой историей последовала новая, ведь Светин папа рыбачит уже давно и кому как не ему знать рыбацкие байки.

Старец Серафим

Экзамен по географии я сдал успешно. Сколько себя помню, никогда не любил учиться, но четверку получить было приятно. Тем более я ее честно заработал — вон сколько зубрил. Теперь я знаю точно, что если хорошенечко постараться, то можно запросто в хорошисты выйти. Папка мне сказал, что если я следующий год смогу окончить без единой тройки, то он мне купит мопед. Да ради этого я все учебники мира готов перечитать. Мама, правда, не в восторге от такой идеи, постоянно кивает головой и спрашивает, не рановато ли мне? Но папа ее убедил. Тем более и кататься на нем я буду в Черемушках. И то, если полностью уговор.

Эх, папка, папка, готовь карман! Ради такого подарка я уж точно из себя все соки выжму, но тройку не заполучу. Хотя физика и химия еще те нудные предметы, но, если хорошенечко заучить, можно по любому предмету четверку получить. Уж я в этом убедился. Даже на экзамене ничуть не страшно, если ты готовился. Это только поначалу боязно, когда стоишь у двери, дожидаясь своей очереди. Все мысли превращаются в один ком, и кажется, что совсем ничего не помнишь. Но это от переживаний. А на самом деле, стоит только вытянуть билет, сесть за парту и прочесть повнимательнее вопросы, как ответы тут же припоминаются. Но это если, конечно, ты готовился, а ежели нет, то будешь, как Генка, пыхтеть за партой, уткнувшись носом в билет, и коситься по сторонам.

Прошло уже несколько недель, как мне сняли гипс. Наконец-то я вырвался из этого ужасного плена и теперь могу снова легко передвигаться и даже бегать. С Генкой я больше не вижу. Не то чтобы с ним не разговариваю или показываю свою обиду, просто его хулиганские выходки мне стали совсем неинтересны. И пускай он думает обо мне что угодно, пускай дразнится. Мне все равно. У меня своя голова на

плечах имеется. И если он и правда мне друг, то не будет так поступать... Хотя какой он мне теперь друг? Стоило мне только избавиться от гипса, как он тут же забежал в гости и предложил умчаться на Волгу. Эх, Генка-Генка, где же ты раньше был, когда мне было так одиноко? Никуда я с ним тогда не поехал, и Шукин ни разу больше за все каникулы меня не навестил. Да я и не расстраиваюсь. Теперь мне есть с кем дружить. И с Зоей ничуть не хуже проводить время и даже интересней.

Каждое утро мы бегаем к фонтану кормить голубей. Покупаем несколько пакетиков семечек. Но они все равно у нас быстро заканчиваются. Эх, сколько ни бери, все равно будет мало, потому, как мне кажется, птичек с каждым разом становится все больше и больше. А голуби к нам уже стали привыкать. Как только мы появляемся на площади, они тут же слетаются к нашим ногам. Ох, и много же их! И разве их всех накормишь? А покупать еще больше семечек мы не можем, потому как наши карманные расходы невелики. Да и самим еще хочется полакомиться мороженым, которое так и манит к себе: «Купи меня, присядь на скамейку у фонтана, полакомись мною!»

А еще я узнал, как зовут мою соседку, ту маленькую старушку с больными ногами. Евдокия Аркадьевна. Или просто баба Дуся, как мы теперь ее называем. Как-то раз я рассказал о ней Зое, и та предложила помогать ей с покупками. И теперь по вторникам и пятницам мы со списком идем в магазин за продуктами и в аптеку за лекарствами. А баба Дуся в это время дожидается нас во дворе на скамейке. Пока мы в магазин ходим, она и свежим воздухом подышит, и на детишек полюбуется. А то у нее вон какие ноги — конечно, ей тяжело, а нам ведь совсем нетрудно.

— Ой, вы мои хорошие, — улыбнется нам баба Дуся и все норовит дать денежку на шоколадку. Но мы с Зоей не берем. Ведь не ради шоколадки мы это делаем. А просто бабушку жалко. Совсем она одна-одинешенька, и за продуктами сходить некому, донести эти тяжелые пакеты до квартиры. А чтобы баба Дуся не обижалась на нас, мы охотно слушаем ее истории. Одинокому пожилому человеку ведь хочется с кем-нибудь поговорить. И не просто погово-

рить, а чтобы тебя еще и выслушали. Для них это очень важно. Зоя умеет слушать и даже в нужную минуту всегда знает, какие слова подобрать, чтобы поддержать и утешить. А я? Я тоже пытаюсь быть внимательным, но пока только больше удается слушать.

А не так давно мы с Зоей подкараулили Пирата. Да-да, именно подкараулили, потому как нам обоим было интересно посмотреть на его невесту. Хотя бы одним глазком. Но я могу вас огорчить — никакой невесты у нашего Пиратушки не было. Просто добрый хозяин небольшой булочной одинокого пса приветливо встречал теплыми хот-догами. Вот и весь секрет. Оказывается, у нашего Пирата в городе много друзей. И это правильно.

Однажды вечером мы с Зоей на велосипедах уехали в старый район города, к Сизому обрыву. Почему его прозвали Сизым, я не знаю. Внизу обрыва шумела Волга, и совсем рядом шуршали листвою березы. Мы уселись на траву и принялись любоваться закатом, который настолько был прекрасен, что глаз не оторвать. Алые облака медленно уходили за горизонт, и отчего-то в ту минуту казалось, что именно там скрывается самая настоящая тайна, которую никому никогда не раскрыть.

— Как тут красиво, — вырвалось у меня.

— Очень красиво, — согласилась со мною Зоя. — Я люблю тут бывать именно в это время. А еще здесь хорошо по утрам, когда солнышко просыпается, только вон с той стороны, где покосившийся дуб стоит.

— И часто ты здесь бываешь?

— Не так часто, как хотелось бы. Но это одно из любимых моих мест. Тут и Волга, как молодая девица, играет с берегами, и город наш виден весь как на ладони, и березоньки шумят над тобой... И вообще тут очень легко и свободно. Поэтому мне и захотелось показать тебе это место. Хотя, возможно, ты и бывал здесь, но это же было без меня, — Зоя улыбнулась и закинула косу за спину. — Земля-матушка наша удивительно красива. Столько чудесных уголков повсюду — только любуйся!

— А я нигде, кроме нашего города, и не бывал. Правда, еще в Черемушках, про которые я тебе рассказывал, помнишь? Про бабу Аню, про Кольку, про Тузика...

— Помню. Но это ничего. У тебя же, Ваня, еще все впереди. Окончишь школу и тогда сможешь отправиться куда угодно, хоть на край земли. Но не забывай дарить при встрече людям хорошее. Чтобы от путешествия была польза не только одному тебе.

— А поедем вместе? — вырвалось у меня.

Зоя улыбнулась, сорвала ромашку и, поглядывая на ее лепестки, кивнула головой, а потом сказала:

— Однажды мы с мамой ездили под Нижний Новгород. Там на юге области расположено удивительное местечко — село Дивеево. До чего же там красиво! Вот он где, маленький рай на земле. Не зря батюшка Серафим облюбил это место.

Я ни разу не слышал о таком батюшке и спросил:

— А кто это?

— Неужели ты не знаешь, кто такой преподобный Серафим Саровский?

Зоя очень удивилась. Это было видно. Я пожал плечами.

— Батюшка Серафим родился в восемнадцатом веке в Курской губернии, — рассказывала Зоя, перебирая пальчиками лепестки ромашки. — Когда был маленьким, то упал с колокольни строящегося Сергиево-Казанского собора, но остался невредим. В юном возрасте он тяжело заболел. Во время болезни батюшка Серафим увидел во сне Богородицу, пообещавшую его исцелить. Сон оказался правдивым. Во время Крестного хода мимо его дома пронесли икону Знамения Пресвятой Богородицы. Хворый ребенок приложился к иконе, после чего пошел на поправку.

— Сразу выздоровел? — не терпелось мне узнать.

— Ну, конечно. Богородица исцелила. Позже и у самого батюшки Серафима открылся дар исцеления от болезней. Однажды три с половиной года он питался только одной травой. Позднее тысячу дней и тысячу ночей Серафим Саровский молился на каменном валуне. Некоторые из приходивших к нему за духовным советом видели огромного медведя, которого преподобный кормил хлебом, — Зоя посмотрела на меня и перевела свой взгляд куда-то вдаль, к горизонту, словно не рассказывала она

мне все это сейчас, а читала по невидимой книге. — Не удивляйся. Животные умеют распознавать добрых людей. Оттого и не обижают их.

— Знаю, — кивнул я.

— А однажды, — продолжала Зоя, — несколько разбойников решили ограбить его келью, надеясь найти богатство. Они напали на него, когда тот молился на камне, и очень сильно избили. Преподобный Серафим не сопротивлялся им, хоть и был сильным человеком. В его келье разбойники так ничего и не нашли. Позже эти люди были пойманы, но старец простил их.

— Простил? — я округлил глаза.

— Да. Простил. Как учил Отец наш Всевышний. Прости ближнего своего, да и простит и он тебя. Не стоит на зло отвечать злом. Как бы жилось хорошо, если бы люди придерживались этого правила. Не завидовали бы, не лгали, не обижали слабых и помогали бы ближним. Не было бы войн, и люди просто бы наслаждались жизнью, — тут Зоя посмотрела на меня и добавила: — Тебе обязательно стоит посетить Дивеево, искупаться в святом источнике, пройти по канавке, приложиться к мощам преподобного Серафима.

Зоя снова устремила взгляд вдаль, и я тоже посмотрел на горизонт. Еще совсем чуть-чуть, и тьма овладеет этим тихим местом. И мы засобирались назад. Дома я спросил у мамы о старце, слышала ли она о нем. Оказалось, что мама о нем слышала, но так подлинно и подробно, как Зоя, рассказать про него не смогла. Еще я поинтересовался, куда подевался мой крестик. Как мама ни пыталась вспомнить, когда и почему я его снял и куда он делся, так и не вспомнила.

Отец Сергей

Я несколько раз вспоминал о той поездке к Оврагу на велосипедах. Припоминал и закат, что легкой волной уплывал за горизонт. Но больше всего мою память будоражил Зоин рассказ о старце, который тысячу дней и ночей молился на огромном валуне и даже смог приручить дикого медведя. Я не раз представлял эту картину, когда к старцу подходит косолапый хищник и тот кормит его с ладони хлебом. Но вот мое сердце замирает, потому как дальше я

вижу нескольких разбойников, что в поисках наживы подкрадываются к нему и избивают. И так скверно становится, так жалко одинокого дедушку, что в глубине души я знаю, мне бы хотелось, чтобы их наказали. Но сам преподобный Серафим простил их. Простил тех, кто жестоко, с цинизмом наносил ему удары.

А смог бы я простить обидчиков? От такого внезапного вопроса самому себе я ужаснулся. В школе я нередко сталкивался с тем, что мои же сверстники толпой обижали одного. Я всегда проходил мимо. Ведь меня это совсем не касается, за что бьют и посмеиваются над бедолагой. Возможно, кому-то из этих ребят он не дал списать, а может, и оттого, что просто тихий и незадиристый. Теперь-то я понимаю, что, проходя даже мимо и не заступившись за слабого, я ничуть не лучше тех, кто его обижал. Что мешало мне тогда остановиться и помочь несчастному, видя такую несправедливость? Трусость или равнодушие? Ведь порою я наблюдал, как школьники младше меня придирались к слабому. Что тогда не давало мне заступиться за «виновника всех бед»? Равнодушие. Какое же все-таки это страшное слово, ничуть не уступающее своему значению. А Зоя? Пройшла бы она мимо? Нет. Кулакова первой бы кинулась заступаться, и не важно, что обидчиков много и все они старше ее. Уж в этом я был уверен. Я гордился этой хрупкой, как тростинка, и в то же время сильной, словно деревце, девочкой. С каждым днем я все больше понимал, что хочу измениться к лучшему — стать таким же, как и моя подруга. Ведь силен не тот, у кого сила, богат не тот, у кого золото, правда не за теми, кого много...

В субботу утром мы с Зоей отправились не как обычно к фонтану кормить голубей, а в церковь. Мне захотелось приобрести крестик, раз уж свой старый я так и не смог отыскать. Зоя согласилась помочь. Пожалуй, это было единственное место в городе, где я не бывал и уж тем более не знал, что спрашивать и как там себя вести. Хорошо, что со мною была Зоя. Она часто ходила в церковь, и потому мне было с ней спокойней.

Неподалеку от церкви стоял старый двухэтажный барак. Рядом — дряхлые ветхие сараи, которыми давно уже никто не пользо-

вался. Мы направились туда. Поначалу я подумал, что это короткий путь, но это было не так. Просто у Зои, как и у Пирата, в городе было много друзей, с которыми, если случалась возможность, она спешила поздороваться и заодно познакомиться и меня. Так было и в этот раз. На лавочке у покосившегося сарайчика сидел пожилой мужчина в серой рубашке и синем трико, обутый в рыжие сандалии. В почерневших от солидола ладонях он держал велосипедное колесо и плоскогубцами выгибал спицы. Лицо доброе. Хоть возраст и давал о себе знать, но волосы по-прежнему были темные. Ни единого седого волоска. Заприметив нас, мужчина улыбнулся. Зоя приветливо с ним поздоровалась и заодно представила меня. Мужчину звали Александр Сергеевич. Родом он был из села Большое Болдино, которое когда-то давным-давно прославил его тезка Александр Сергеевич Пушкин. И вот уже на протяжении двадцати семи лет этот человек живет в нашем городе, в этом самом негодном доме-сарайчике и ремонтирует велосипеды. И, наверное, люди часто обращаются к нему за помощью, потому как весь его сарайчик был набит запчастями от велосипедов. Когда Александр Сергеевич улыбался, а улыбался он часто, его лицо, хоть и было морщинистым, а все же выглядело в эту минуту молодо. Наверное, в молодые годы он был очень красив. Несмотря на то что его маленькая однокомнатная квартира находилась на втором этаже этого старого барака, в котором жить просто невозможно, человек не отчаивался. С ним приятно было вести беседу. Он рассказывал нам какую-нибудь интересную историю, но все же не забывал попутно отремонтировать колесо. Работы, как оказалось, у него действительно было невпроворот. И, чтобы больше не мешать, мы вежливо попрощались с добрым мастером и поспешили дальше — церковь была рядом. Оказывается, люди могут жить и в неблагоустроенных домах, не иметь хорошей работы и здоровья и все же радоваться жизни и ценить каждую прожитую минуту.

В церковной лавке Зоя помогла мне выбрать серебряный крестик и цепочку. Затем мы направились в церковь, у самых ворот нам попался Зоин знакомый — священнослужитель отец

Сергий. Мы поздоровались, и Зоя поведала о моей покупке. Священник взял из моих ладоней крестик, просунул в ушко цепочку и, перекрестив меня, сам надел мне его на шею.

— Иисус Христос был распят на кресте во имя всего рода человеческого за его грехи. Носи его, радость моя, не снимай. Крест — это сила и оружие христианина на всякую злую бесовскую силу, — сказал отец Сергий. — Господь всегда с тобой. Поможет в беде и укажет правильный путь. Главное — искренне от чистого сердца попросить об этом. Он обязательно услышит твою просьбу.

Я вспомнил недавние Зоины слова и сказал:

— Как было бы хорошо, если бы не было плохих и злых людей.

Отец Сергий светло улыбнулся:

— Каждый в душе добрый человек, да только не у каждого доброта эта видна. Все негодные поступки человека — это бесовские проделки. Потому и стоит посещать церковь, молиться Господу нашему Иисусу Христу, чтобы он уберег нашу душу от лукавого. Все мы перед Господом равны. Он не смотрит на лица царей и князей и не предпочитает богатого бедному, потому что все мы дети Его. В каждом из нас живет Господь. Молитесь, и Он даст вам силы и укажет верный путь. И только тот, кто просит помощи с чистыми намерениями и от всей души, получит ее. Не желай зла никому, ибо не будет зла и тебе.

— Отчего тогда люди добрые страдают? — спросил я у священника.

— Такова воля Господа. Для того мы и рождены, чтобы пройти испытание. И кто с чистой душой пройдет его до конца, без злобы и зависти, тому и будут открыты врата в рай.

— Не каждый следует этому правилу, — вздохнула Зоя.

— Это все от того, что человек перестал замечать истинную красоту, а находит счастье лишь в серебре и золоте. Оглянитесь вокруг, — отец Сергий развел руки. — Вот она, настоящая красота, вот оно, настоящее богатство. Каждый зверь, каждая птица, каждая букашка знает свое место. Только мы, люди, не видим истинной красоты, что даровал нам Бог. Все мы друг другу братья, дети отца Всевышнего.

Я смотрел на этого уже немолодого священ-

нослужителя и соглашался с каждым его словом. Как же приятно пообщаться с добрым и умным человеком! Мы с Зоей попросили у отца Сергия благословения и вошли в церковь.

Счастливые пироги

В церкви немногочисленно. Повсюду горели свечи и пахло воском. Зоя купила две свечи и поставила их на канун — за упокой родителей. Потом подвела меня к иконе, на которой был изображен лик старца со скрещенными ладонями на груди. Это был преподобный Серафим Саровский. Позже такую же икону, только размером меньше, я видел у Зои, когда гостил у нее. Хотя до этого ни разу не был у нее в гостях. Сама Зоя бывала у меня много раз. Мама всегда говорила мне, чтобы я чаще звал ее к нам. И когда я ее приводил, она сразу же усаживала нас за стол. Ох уж моя мама, лишь бы кого накормить! В обед я обязательно должен съесть тарелочку супа, ну а потом уже все что угодно. По ее словам, в супе вся сила. Хотя порой ничего не хочется, кроме бутербродов. Но разве с мамой поешь всухомятку? Помню, когда я был маленьким, то очень боялся, что не вырасту, если через меня кто-нибудь перешагнет. И ничего же. Подрос. Хотя кто только не перешагивал через мое худое тело. Так что не стоит верить во всякие там приметы. Силу можно и гантелями набрать, и необязательно для этого кастрюлями кушать суп. Хотя борщ мамин я очень люблю. Тут ничего не скажешь — борщ получается отменный, можно и добавки попросить. А вот щи, гороховый, рыбный или какой-нибудь другой — еле тарелочку осилишь. Ну, речь сейчас не об этом.

К Зое в гости сам я никогда не напрашивался, хотя удивлялся, почему она меня к себе не зовет. А после церкви совершенно неожиданно Кулакова предложила пойти к ней.

— Сегодня утром тетя собиралась испечь пироги, — улыбнулась она.

Такая новость меня обрадовала. Во-первых, я всегда хотел побывать в ее комнате и полистать фотоальбом, ну а во-вторых, как вы сами, наверное, догадались, пироги — это не суп, их я могу слопать вагон и маленькую тележку.

Вавилова Мария Ивановна, или просто баба Маша, Зоина тетья, встретила нас в прихожей и, поглаживая по голове, проводила в ванную. До чего же милый и душевный человек! Вот бывает же такое, что совсем вроде бы и не знаешь человека, а поговоришь с ним, и кажется, что он тебе очень близок. Баба Маша была из таких людей. Все-таки доброта — она сближает. На вежливость и ласку просто невозможно не ответить взаимно.

Мы сполоснули ладони и последовали на кухню. Пока я был в прихожей и ванной, то успел заметить, что живут они бедно. Мебели мало, а та, что была, очень старая. Да и ремонта давненько уже не было. В ванной комнате плитка, что лежала на полу, была поколотой, а на стенах и совсем не пойми чего — то есть она, то ее нет. И краны очень плохо работали. Кухня показалась просторней, чем у нас, а все потому, что кухонного гарнитура как такового не было. Старенький холодильник «Свияга», пара полок под посуду и небольшой деревянный стол. В углу кухни висела икона Серафима Саровского, такая же, что и в церкви, только размером меньше. Рядом горела лампадка.

Мы уселись за стол, и баба Маша налила нам супа. Вот тебе и на! Заманили пирогами, а тут... суп. Кушали молча. Само молчание было для меня неловким. Просто я не привык, чтобы за столом не повертеться и не поговорить. Я изредка поглядывал на Зою, может, она что-нибудь скажет, но Кулакова молча уплетала щи. Сам я не решился первым заговорить. Как только мы съели суп, баба Маша подала на стол пироги и поставила чайник. Зоя не стала дожидаться чая и схватила пирог. Я тоже не растерялся.

— У тебя с чем? — поинтересовалась она у меня, как только я надкусил.

— С картошкой. А у тебя?

— И у меня с картошкой, — сказала Зоя. — Тетья, а ты делала счастливый пирог?

— Куда ж я без него! — улыбнулась нам баба Маша.

— Почему счастливый? — мне стало любопытно, что это еще за волшебный пирожок такой.

— Это пирог с... — только и успела сказать Зоя, как я ее перебил.

— Ой, а в картошке конфетка!

— Это и есть счастливый пирог, — обрадовалась Кулакова. — Тетья, смотри, сразу же попался Ване.

— Ну, а как ты хотела, детонька, — баба Маша подошла к столу и положила ладонь Зое на плечо. — Денек-то какой сегодня для Ванюши особенный. Светлый. Крестик нательный с ним. Боженька... он все видит. Вот и счастье в руки.

— Ага, — согласилась Зоя.

Оказывается, это Зоя с бабой Машей придумали такую игру. Как только начинают печь пироги, обязательно в тесто положат одну карамельку. Кому попадет этот пирог, тому счастье улыбнулось.

Дома за ужином я рассказал родителям, что сегодня гостил у Зои и что живут они бедно. Даже простенький ремонт не могут сделать.

— Пап, ты ведь у нас на все руки мастер. И плитку знаешь как положить, и кран всегда починить можешь. Давай поможем им с ремонтом? А я тебе сам во всем помогать буду. Что попросишь, то и сделаю.

Отец с матерью переглянулись.

— Ну что ж, — не сразу ответил папа. — Это очень хорошо, сынок, что ты стал думать не только о себе, но и о других. Пытаешься оказать помощь нуждающимся в ней. И в первую очередь — своему другу. Взрослеешь ты у меня. Взрослеешь, — и еще разок, посмотрев на маму, папа улыбнулся. — Отчего бы не помочь хорошим людям!

Я готов был его расцеловать.

Как только у отца выдались выходные, мы с ним отправились в гости к Зое. Поначалу баба Маша не хотела принимать от нас такую помощь, но папа ее быстренько убедил. Папа мой мастак в этом деле. Всегда находит общий язык со взрослыми. Измерив рулеткой ванную комнату и прикинув, что к чему, отец уехал на машине за плиткой и клеем. А потом мы все трое принялись за работу. Отец и для нас с Зоей находил работенку, которую мы выполняли с огромной ответственностью, стараясь его не подвести. Через пару таких папиных выходных ремонт был окончен. Ванная блестела белоснежной плиткой, а новые краны давали наисильнейшую струю воды!

Бед

Теперь в гости к Зое я зааживал частенько. Баба Маша научила меня печь пироги и ватрушки. Оказывается, это совсем не сложно и даже весело. Каждый раз мы с Зоей готовили разные начинки. Я — с картошкой, а она — с капустой. Однажды, когда мама была на работе во вторую смену, я испек пироги с повидлом. Ее любимые. Хотя сам я пирог с такой начинкой не совсем люблю. Просто однажды я сильно ожег губы и язык этим самым повидлом, и по сей день всякая охота к нему у меня пропала. Вот уж для мамы был действительно сюрприз, когда она пришла с работы, а ее на кухне дожидалась моих рук выпечка. От чего-то только она долго не хотела верить, что это я все сам приготовил. Даже спросила у отца, не его ли работа? Но папа ей объяснил, что был все это время в зале, смотрел футбол и больше ему не было дела ни до чего. И что в этом такого удивительного, я никак не мог понять. Словно я не пироги испек, а слетал на Луну. И еще я не мог согласиться с мамой вот в чем: почему этой еде она не отдает такое предпочтение, как, скажем, супу. На мой взгляд, силу богатырскую быстрее наберешь, наевшись пирогами, ежели супом. Да и как приятно уплетать горяченький пирожок с картошкой и запивать его холодным молоком! М-м-м, вкуснятина!

А еще у Зои есть старший брат. Зовут его Юра. Он женат и живет сейчас в Запорожье. У них там тепло и растут грецкие орехи, как у нас яблоки. Однажды он прислал целую коробку орехов. Зоя всю неделю потом их колола. Он частенько зовет ее с тетей к себе в гости, но баба Маша отчего-то не желает так далеко уезжать. То ли боится, то ли годы уже не те. А вот Зоя, как она мне сказала, обязательно погостит у брата, как только окончит школу. Там и до моря недалеко — рукой подать. Море — это, конечно, не наша Волга. На море и я бы с радостью поехал, если бы и у меня кто-нибудь из родни проживал рядом с ним. Но из родственников нас в гости зовет только тетя Груня, мамина сестра. Но она живет не у моря и даже не рядом. Ее город славится утюгами. Только зачем нам утюги? Еще мне приглянул-

ся у Зои кот. Кличут его Цыган, потому что шерсть его черная-пречерная. Он огромный и ленивый. Хотя, как сказала баба Маша, ленивым он стал от старости. Цыган был старше меня и Зои. Было ему пятнадцать лет. Покошачьему это весьма много.

Не успели мы с Зоей опомниться, как и лето пролетело. Так всегда. Учебный год тянется-тянется — ни конца, ни края ему не видно. А наступит лето — не успеешь и глазом моргнуть, как пора уже портфель собирать. Скорее бы повзрослеть! Хотя мама другого мнения. Говорит, что взрослая жизнь никуда не убежит и, пока есть возможность, нужно наслаждаться детством и юностью. Если верить ее словам, она с радостью походила бы годик-другой в школу. Но, мне кажется, мама хитрит. Неужто кому-то охота учить уроки?

В конце августа, когда до школы оставалось совсем чуть-чуть, в наши двери постучалась беда. Отец попал в аварию. У него выдались выходные деньки, и он с утра пораньше отправился рыбачить на Волгу. На обратном пути, не доезжая до города совсем немного, на повороте, папа не справился с управлением, машину занесло в кювет. Мы с Зоей, как обычно, нагулявшись и проголодавшись, забежали ко мне, чтобы что-нибудь перекусить, где нас и застала эта страшная весть. Мама, прикрыв лицо ладонями, плакала. Я подсел рядом, обнял ее, и по моим щекам тоже покатились слезы. С такой бедой я столкнулся впервые и еле-еле находил в себе силы противостоять ей. Я должен быть сильным. Я знал это. Ради мамы, ради отца. Но это оказалось совсем нелегко. Втроем мы отправились в больницу, но к папе нас не пустили. Врач толком ничего нам так и не объяснил. Говорил он успокаивающе, но в его голосе все равно чувствовалась тревога. Вечером мама отправила меня домой. Сама осталась в больнице. Возвращаться в одинокую бездушную квартиру мне не хотелось, но спорить с ней в такую минуту я не стал.

— Все будет хорошо, — сказала мне Зоя, как только мы вышли из больницы. — Нужно верить в чудо, и тогда оно обязательно произойдет.

Зоя осталась ночевать у нас. Мне не хотелось быть одному, и она, догадавшись об этом, ос-

талась со мной. Как же все-таки хорошо, что рядом есть друг, который в трудную минуту тебя всегда поддержит. Зоя хоть и сама еще ребенок, но знала, что сказать. Я всегда это замечал, когда она вела беседу со взрослыми. Вот и сейчас от ее слов исходила надежда и верилось, что все будет хорошо, все образуется. В который раз, глядя на Зою, сердце мое сжималось от боли и жалости. Ведь моя подруга, которая подбирала каждое словечко, чтобы успокоить меня, была сиротой. И кому, как не ей, знать, что это такое — потерять родителя. И тут словно молния ударила меня — а что, если отец умрет? Что, если все эти слова надежды всего-навсего слова? Если случится так, что папу мы потеряем, — как тогда жить? Что будет со мной и мамой? И так мне стало страшно и больно, что я готов был заплакать, разреветься от бессилия. Зоя, заметив это, подседа ближе и обняла меня. Немного стало легче от того, что рядом человек, которому небезразлично моё горе. Я тоже обнял Зою, а перед глазами стоял отец, его добрый взгляд и улыбка.

Вспомнилось, как мы ходили с ним по грибы, когда гостили у бабушки в Черемушках. Чего-чего, а по лесу отец любил прогуляться — каждую тропинку знал. Это папа помог мне стать грибником. Сколько раз я с деревенскими ребятами ходил по грибы и по ягоды и никакого интереса от этого занятия не испытывал. Потому что всегда приходил домой почти пустой, а у тех целые корзины. Конечно, они лес хорошо знают, не то что я. Другое дело — ходить по грибы с отцом. Он и подскажет, где лучше искать, и что за гриб я нашел. Папа каждый грибок знал — и съедобный, и несъедобный.

Однажды мы ездили в Черемушки копать картошку. Как только мы закончили, папа, на скорую руку перекусив, куда-то засобирался.

— Куда ты? — поинтересовался я у него.

— На охоту, — папа по-доброму подмигнул мне.

— А где же твое ружье? — усомнился я.

— А что, неужто только с ружьем на охоту ходят? — отшутился тот и прихватил корзину.

— Ну не с корзиной же, — засмеялся я. — Что, ты в нее зайцев, что ли, складывать будешь?

— Зачем зайцев? — улыбнулся отец. — Грибы.

— А говоришь на охоту...

— А ты разве не знал, что искать грибы — это тоже охота? — и папа протянул мне лукошко. — Не изволите составить компанию?

И я согласился. Как только мы зашли в лес, отец не спеша принялся блуждать возле деревьев, поглядывая под ноги. Я тоже стал ходить от одного дерева к другому.

— Не спеши, сынок, — сказал папа, заметив мою беготню. — Грибы торопливых не любят. Оттого и прячутся от них.

— Прячутся?

— Еще как прячутся! Как детишки малые любят с нами в прятки поиграть. Глаз да глаз за ними нужен. Посмотри, кто это возле ног твоих притаился, — отец подошел ко мне и, присев на корточки рядом с моим сапогом, показал мне гриб, шляпка которого скрывалась под опавшими листьями. Папа достал ножик, чтобы не подпортить грибницу, подрезал ножку. — Это, Ванюш, подберезовик. Этот гриб растет вблизи берез. Оттого и название такое.

Отец положил гриб в мое лукошко, и мы принялись «охотиться» дальше. Поначалу папа подсказывал мне, когда я проходил мимо. Но потом я перестал торопиться, стал повнимательнее и сам не заметил, как мое лукошко быстро наполнилось. Действительно, не любят грибы торопливых. Ох, не любят. Отец тогда насобирал немного. Но он, в отличие от меня, не брал все подряд, а охотился исключительно за белыми грибами. Какой же он все-таки красивый, этот белый гриб! Шляпка широкая, ножка толстая — настоящий богатырь. Потом уже я и с ребятами ходил по грибы и приходил домой не с пустыми руками, как раньше. Главное правило грибника я усвоил — коль пошел по грибы, то не нужно считать ворон.

Вспоминая все это, страх еще больше овладевал мною. Так было страшно потерять отца. Я даже на секунду не мог представить, как мы будем без него. Ох, папа-папа, миленький папочка, не оставляй нас с мамой одних, пожалуйста!

Утром мы с Зоей отправились в церковь. Зоя помогла мне заказать сорокоуст за здоровье отца, и потом мы поставили свечи у иконы преподобного Серафима. Я долго стоял перед

иконой и смотрел в добрые глаза старца. Зоя была рядом. Она читала молитву и крестилась перед образом преподобного. Я не знал ни одной молитвы, но от всего сердца просил спасти отцу жизнь. «Батюшка Серафим, помоги, пожалуйста, папе. Дай ему здоровья, дай ему сил», — шептал я.

Из церкви мы отправились в больницу. Мне верилось, что все будет хорошо.

Настоящее чудо

В больнице меня и Зою встретило хорошее известие. Как только я увидел мамины глаза, то сразу догадался, что папе стало лучше. Но я и представить не мог, что настолько лучше. Мама сообщила, что час назад отец пришел в себя. Радости моей не было предела. Я обнял маму и хотел уже было зайти в палату, но она меня остановила.

— Врач не велел пока его тревожить, — сказала она.

— Да я только на минутку, только посмотрю на него хотя бы глазком.

— Давай лучше дождемся врача, а папа пускай отдыхает, набирается сил, — уставшим голосом произнесла мама. — Врач и так сказал, что в его практике такое впервые, чтобы почти с того света вернуться и сразу же, придя в сознание, заговорить. Настоящее чудо.

— А все потому, что это батюшка Серафим помог папе. Правда, Зоя?

И я рассказал маме, как мы сегодня утром ходили в церковь и просили у Серафима Саровского помощи, чтобы тот помог нам, исцелил отца. И преподобный услышал наши молитвы. Мне сразу припомнился недавний разговор с отцом Сергием, когда тот говорил, что, если Боженку попросить от чистого сердца, он обязательно услышит. Вот и батюшка Серафим услышал Зоину молитву и мою просьбу.

— Какие же вы у меня молодцы! — мама обняла нас с Зоей и почему-то заплакала. — А я так закружилась, так завертелась, что совсем позабыла пойти в церковь. А ведь когда у людей происходит такое горе, как у нас, они в первую очередь просят помощи у Бога. Когда врачи

разводят руками, только и остается одна надежда на Боженку.

— Мама, а пойдем сейчас в церковь? — предложил я. Мне не хотелось, чтобы мама плакала, тем более когда все обошлось.

— Сейчас?

— Ну да, — я коснулся маминой ладони и нежно сжал ее пальцы. — Все равно же меня пока к папе не пустят. А вечером все вместе к нему придем.

Мама улыбнулась мне и вытерла слезы. Зоя тоже согласилась составить нам компанию. И мы втроем покинули больницу.

И в этот раз в церкви было немногочисленно — несколько монахинь и пара прихожан стояли у икон. Зоя сказала, что нужно прийти на вечернюю службу. Она и маму мою обещала познакомить с отцом Сергием. Так как я уже был знаком с этим хорошим человеком, мне и самому захотелось, чтобы мама с ним познакомилась. И папа тоже, когда поправится, обязательно должен встретиться с этим добрым и рассудительным священником. Как же хорошо, что этот человек проживает в нашем городе, и спасибо Зое, что она меня с ним познакомил!

Мы с мамой поставили свечи у икон преподобного Серафима, Христа Спасителя и у Богородицы. Мама тоже заказала сорокоуст за здоровье отца. Когда же мы вышли из церкви, мама открыла сумку, достала кошелек и дала нам с Зоей денег, чтобы мы раздали их просящим милостыню. Это были инвалиды и маленькие сгорбившиеся старушки. Мы с Кулаковой поделили деньги и положили их в каждую протянутую ладонь.

Вечером вернулись в больницу. У Зои не получилось пойти с нами. В этот раз к папе нас пустили. Надев синие бахилы и накинув халаты, мы прошли в палату.

Отец лежал у стены и смотрел на дверь, будто знал, что мы с мамой сейчас зайдем. Мы встретились с ним глазами, и папа чуть улыбнулся нам. Мама присела на стул. Папа был практически весь перебинтован, левая нога загипсована и подвешена на растяжке. Рядом стояла капельница. В прозрачной бутылке маленькие капельки не спеша бежали друг за другом. Отец выглядел неважно, и мне снова

стало беспокойно за его здоровье. Но стоило папе снова улыбнуться, как улыбка его сразу прогнала все тревоги. Живые папины глаза успокаивали меня и маму, говоря нам, что все хорошо.

— Ну как ты? — еле слышно спросила мама.

— Чувствую себя неплохо. Честно, — ответил папа. Голос и правда прозвучал бодро, как и раньше. Не было ни малейшего намека, что ему больно.

Мне припомнилось, как однажды под самый Новый год папа простудился и весь праздник пролежал с температурой в кровати. У него был жар. И как бы он ни говорил мне тогда, что все у него хорошо, а только я не верил. В голосе чувствовались слабость и боль. Даже когда папа спал и лежал с закрытыми глазами, было слышно легкое постанывание. В ту минуту даже самый маленький ребенок догадался бы, как ему плохо. Но сейчас папин голос действительно прозвучал бодро. И мы с мамой немного успокоились.

— А когда тебя выпишут? — спросил я.

— Это, брат, теперь не скоро, — ответил мне отец.

— Врач что говорит? Разговаривал с ним? — мама провела ладонью по папиной щетине.

— Говорит, что в рубашке родился. И что здоровье у меня богатырское, — папа снова улыбнулся. — Нет, ну правда, чувствую себя хорошо. Честно. Как ни странно — ведь и боли никакой нет. То ли от уколов, то ли... Кто его знает. А только такое ощущение, будто только что проснулся. Словно и аварии никакой не было.

— И не помнишь ничего, пап?

— В том-то все и дело, сынок, что помню все хорошо. Как рыбачил, как... Ох, Ванька, ты знаешь, какого я сома выловил? У-у-у! Думаю, килограммов на сорок. Наверняка. Дождик, помню, моросил, и как пошел на обгон, и... Все помню. Помню хорошо. Еще помню сон, но это когда я уже без сознания был.

— Что за сон? — спросили мы с мамой в один голос.

— Будто стою я у берега реки, а вода в этой реке черная-пречерная. И вот стою я и гадаю, искупаться мне или не стоит. И чем дольше я не захожу в воду, тем сильнее желание мое за-

нырнуть. А вода аж бурлит под ногами, того гляди сама схватит и утащит на дно. И вдруг слышу позади чей-то голос. Обернулся, а передо мной старец стоит. А за ним — поле как ковер, засеянное разноцветными цветами и травами. И вдруг молвит он мне: «Идем за мной». И я пошел. Идем молча. Рядом бабочки порхают, живность всякая время от времени пробегает. Иду и люблюсь. Так хорошо и спокойно на той полянке мне было. И вдруг старец остановился и говорит мне, рано, мол, тебе сейчас со мной, прислушайся, говорит. Я прислушался и слышу, Ванька, твой и Зои Кулаковой голос. Правда, о чем говорили, не помню, но голоса были ваши. Велел мне старец закрыть глаза. Я закрыл. Потом велел открыть. Я открыл, а передо мной врач с медсестрой стоят. Вот так, видно, и пришел в себя.

Мы с мамой переглянулись. Оба понимали, о ком папа рассказывал и что за старец был в его сновидении. Мама достала из сумки маленькую иконку Богородицы с младенцем и положила ее на край тумбочки, рядом с папой. Теперь Боженька всегда его будет оберегать. Какая же все-таки мама у меня молодец! Я тоже теперь, когда буду в церкви, обязательно для папы куплю иконку Серафима Саровского. Ведь его папа видел во сне и именно он велел закрыть глаза и вернуться к нам обратно, к земной жизни.

Только я присел на корточки у кровати и обнял папу, как вошел врач. Он вежливо попросил нас покинуть палату, потому что, хоть папа и выглядел бодро, но ему еще нужно отдыхать и набираться сил. И мы, попрощавшись, послушно вышли из палаты. Теперь-то я был спокоен за отца и убежден, что у него все будет хорошо. А отдых, конечно, ему сейчас необходим. Пусть отдыхает, мы с мамой навестим его завтра.

При встрече я рассказал Зое папин сон, про то, как он видел старца, и что тот, услышав наши молитвы, вернул нам папу. Зоя ответила мне, что ничуть не сомневалась, что батюшка Серафим нам поможет. Главное, как сказала она, это верить в чудо, и оно обязательно произойдет.

Чудом было не только то, что папа вернулся к нам почти с того света, но и как он пошел на

поправку. Через три недели его выписали из больницы, и он уже смело расхаживал на костылях, как совсем недавно это делал я. А еще мы с отцом решили, что довольно Пирату скитаться, не имея своего угла. Как-никак, а уже осень, а она, как известно, щедра на сырую погоду. Да и до зимы недалеко. И мы решили смастерить для Пирата конуру. В этом нам помогли Зоя и сосед дядя Миша. Будка получилась большой и теплой. Мы ее поставили у самого угла дома, где баба Маша постоянно кормит Пирата кашей. Правда, наш четырехлапый друг не сразу пришел в восторг от своего дома. Как мы с Зоей ни пытались его туда толкнуть, он ни в какую не собирался залезать в конуру. Упирался, и все тут.

— Что за смешная собака! — сказал тогда дядя Миша и, как всегда, провел ладонью по своим длиннющим усам.

— Что тут скажешь, привык к свободе, — сказал отец. — Пойдемте, не будем ему мешать, думаю, он в скором времени догадается, для кого предназначен этот маленький домик.

И действительно, стоило нам отойти, как Пират внимательно осмотрел будку со всех сторон, осторожно просунул голову внутрь и после скрылся в ней и сам. Мы с Зоей наблюдали за ним с детской площадки, и, когда Пи-

рат все-таки принял наш подарок и поселился в домике, мы очень обрадовались.

С того дня Пират каждое утро провожает нас с Зоей в школу. Как только мы выходим из подъезда, он радостно виляет нам хвостом. Я, как обычно, скармливаю ему мамины пироги, и мы втроем идем на уроки. По дороге мы с Зоей гадаем о том, куда первым делом с ней поедем, когда подрастем. Мы решили обязательно отправиться в кругосветное путешествие. А пока я пообещал самому себе, что этот год осилю без единой тройки. Посмотрим, смогу ли. Но в одном я теперь убежден точно: если чего-то захотеть, если сильно чего-то добиваться, то обязательно у тебя все получится.

□

Антон Евгеньевич ЛУКИН

родился в 1985 году.

Окончил Ардатовский аграрный техникум.

Прозаик. Автор девяти книг прозы.

Публиковался в периодических изданиях, среди которых

«Наш современник», «Огни Кузбасса»,

«Литературная учеба», «Южная звезда», «Молодая гвардия»,

«Литературная газета», «День литературы» и др.

Лауреат премии «Умное сердце» имени Андрея Платонова (2012).

Дипломант всероссийского конкурса «Золотой Дельви́г» (2013).

Лауреат ресурса «Российский писатель» в номинации «Новое имя» (2013),

гран-призер литературного конкурса «Хрустальный родник» (2014),

финалист международной Южно-Уральской премии (2015).

Член Союза писателей России.

Живет в селе Дивеево Нижегородской области.

